

Радик Сандик

**БИРОБИДЖАН –
ДАЛЬНИЙ И БЛИЖНИЙ**

Рассказы и очерки

**Иерусалим
«Филобиблон»
2021**

Radik Sandik
BIROBIDZHAN – FAR & NEAR
Stories & essays

(Jerusalem: «Philobiblon», 2021)

Макет и верстка

Леонид Юниверг

Корректор

Владимир Френкель

ISBN 978-965-7209-55-4

© Радик Сандик, текст и фотографии, 2021
(*lionas14@gmail.com*)

© Изд-во «Филобиблон», подготовка к печати, 2021
(*univergleonid@gmail.com*)

Отпечатано в тип. «Ной» (Иерусалим)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Время, когда писалась эта книга, по переживаниям людей можно приравнять почти к военному. В человеческой же истории – это одна из трагических ее страниц под названием «Пандемия коронавируса». Она охватила всю планету тяжелой заразной болезнью, а ежедневные сообщения министерства здравоохранения Израиля о количестве заболевших за сутки воспринимаются как сводки Информбюро в годы войны...

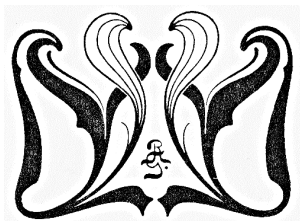
Карантин, признанное средство в замедлении заражаемости, – это неработающие предприятия, безлюдные улицы, закрытые школы и детсады, заточение людей в своих квартирах. Находясь в такой самоизоляции, от безделья (на работу ходить не надо), и начитавшись в интернете или насмотревшись в ТВ страшилок от Минздрава, советов «профессоров» от медицины, многие люди, заблудившись в потоке информации, всерьез озаботились своим здоровьем и начинают искать признаки коронавируса у себя: измеряют температуру, всё нюхают и много едят – надо же проверить, не пропали ли вкусовые ощущения. В общем, живут, погрузившись в сплошные переживания.

Но есть и такие, особенно пожилые люди, которые, решая проблему чем занять себя, находясь в четырех стенах своей квартиры, вспомнили, что за плечами у них огромная жизнь, переполненная разными событиями – весёлыми и грустными. Эти люди подумали: почему бы не поделиться, не рассказать другим о наиболее интересных историях из своей жизни?

Вот и я, а мне уже за восемьдесят, взяв в помощь свой склероз (я хорошо помню, что было 40-50 лет назад, но могу забыть, что надо сделать сегодня), решил последовать их примеру и написать книгу о некоторых событиях своей жизни. Мне всегда хотелось, чтобы все люди, с которыми я общался и сейчас общаюсь, чаще улыбались. В компаниях, особенно на отдыхе, стараюсь рассказывать о своих весёлых приключениях. Если у читателя эта книга вызовет интерес и улыбку при прочтении, я буду считать, что убил двух зайцев – нашёл себе занятие в самоизоляции и создал хорошее настроение людям. Надеюсь, читатель заметит, что книга, в целом, о биробиджанцах, их судьбах, приключениях, о любви к своему городу, о том, что выходцы из Биробиджана – большая дружная семья, в общем, о том, как евреи Дальнего Востока обживают Ближний Восток – Израиль.

РАССКАЗЫ

В САМОИЗОЛЯЦИИ

Вот уже месяц, как моя жена и я находимся в самоизоляции, то есть в карантине. Да что там мы – вся страна, а если взять больше, то и всё человечество находится в таком уникальном положении, веруя, что карантин – это основной способ для победы над мировой напастью, пандемией под названием коронавирус. Когда находишься сутками в ограниченном пространстве собственной квартиры, то от безделья в голову начинают лезть разные мысли и воспоминания – причем о событиях, которые когда-то казались трагическими, а сейчас почему-то кажутся комическими. Об одной из таких историй в далеком прошлом, произошедшей с моим близким другом, мне и хочется рассказать, может, потому, что она имеет какое-то отношение к сегодняшним переживаниям. Вот его рассказ от первого лица:

– Жили мы тогда в одном из красивейших городов Дальнего Востока. Когда коренные его жители рассказывают об этом дивном крае, они восхищённо говорят о его дарах природы: кедровых орехах, ягодах – голубике, бруснике, о грибах, лососевой рыбе, икре, лимоннике и т.п. Но когда они объясняют, за что же им платят «дальневосточные» деньги, если они живут в таком раю, то добавляют, что всё же главная напасть этих мест – болота, несметные полчища комаров, мошки, клещи и ужасный климат: суровые морозы зимой и проливные дожди летом.

Небольшое отступление. Сейчас, когда пишу эти строки, мы все озабочены, как, выйдя на улицу, не подхватить вирус. А там, зайдя в таёжные дебри или просто в городской парк, или когда встаешь под какое-то дерево, то постоянно думаешь, как не схватить клеща, потому что впившийся клещ может быть энцефалитным. А энцефалит – это тяжёлая болезнь с очень частым летальным исходом.

А сейчас опять перехожу к истории, которую рассказал мой друг:

– Работал я в ту пору на заводе начальником одного из отделов. Однажды, по роду службы, к нам приехал в командировку мой непосредственный начальник из нашего московского главка – Михаил Иванович. А человек он был любознательный, обо всём хотел знать и всё увидеть своими глазами. Но он никогда не был на Дальнем Востоке, а потому попросил меня показать ему дальневосточную экзотику. В соответствии с планом встречи, в который входило угощение дарами нашей природы – рыбой, икрой, грибами, ягодой, папоротником и т.п., – мы, то есть я и трое моих помощников, решили свозить его на рыбалку с ночевкой. Была осень, сентябрь, прекрасная пора, после первого заморозка уже практически не было комаров. Улов был неплохой: поймали несколько карасей и щуку, сварили уху на костре. Как полагается, выпили и начали дурачиться.

Наш гость умирал от смеха, и другие вместе с ним, когда увидели, как ел уху Николай – один из устроителей рыбалки. В темноте ночи он не увидел, что в его деревянной ложке проковыряли дырку, и не мог понять, почему открывал рот, а уха туда не попадала, при этом вся грудь была почему-то мокрая...

Конечно, Михаил Иванович дальневосточной экзотикой был поражён, удивлён, и уехал в Москву, будучи переполнен впечатлениями и теплотой приёма. Всё было бы ничего, но переполненными впечатлениями оказались и мы, организаторы этой рыбалки, – я и мой ближайший помощник Виктор, начальник цеха. Когда мы дома стали принимать ванну, то обнаружили у себя на теле впившихся клещей. У Виктора эта гадость оказалась подмышкой, а у меня, стыдно сказать, прямо на

причинном месте. Во время частых приседаний у костра у меня лопнули брюки сзади, по шву, и в образовавшуюся дырку этот нахал (клещ) пролез, минуя нижние полушария, они ему не приглянулись, прямо туда. Мои попытки убрать его самостоятельно оказались безуспешными (наверное, всё же это была она – клещиха, а не он), поэтому я попросил жену помочь мне, что она благополучно с помощью пинцета и сделала...

Но на этом история не закончилась. На следующий день после проводов гостя, обсуждая итоги его приёма, мы, когда узнали друг от друга о «гостях», которые остались на наших телах, немного забеспокоились. И Виктор, как более опытный таёжник, предложил сделать профилактические уколы (вдруг клещи энцефалитные). Эта идея мне понравилась. Но когда я подумал, что мы пойдем в заводской медпункт, где все медички нас хорошо знают, и мне придётся им рассказать о своей проблеме, то понял, что мне не хватит словарного запаса объяснить – куда, в какой мой орган этот злосчастный клещ впился. Парадокс: послать на эту часть нашего тела кого угодно проблемы у меня не было, как и у всех граждан Советского Союза, а литературно объяснить об этом своём несчастье – нет, мы про это в школе не проходили.

Своими тревогами я поделился с Виктором. Он, как человек очень умный, тут же предложил гениальный выход: «Давайте пойдём в медпункт швейной фабрики, там нас никто не знает».

Сказано – сделано, завтра с утра мы уже стояли в очереди в медпункт этой фабрики. Когда наконец дошла наша очередь, мы зашли туда вдвоем и увидели, что перед нами за беленьким столом сидела миловидная молодая девушка лет двадцати, которая, посмотрев на

наши беспокойные лица, спросила: «Что у вас случилось?». Первым, как человек более опытный и менее пострадавший, взял слово Виктор: «Я был вчера на рыбалке, и в меня впился клещ. Можно ли сделать профилактический укол от энцефалита?» После вопроса, куда впился клещ и надо ли его вытаскивать, что-то записав в журнал, милая девушка предложила Виктору пройти за шторы для укола, откуда он вскоре вышел, подтягивая штаны и ехидно улыбаясь.

Теперь наступила моя очередь отвечать на ее вопросы. Я сказал, что тоже был на рыбалке, и в меня тоже впился клещ. Когда она спросила – куда, я, немного замешкавшись, глазами показал – куда. Она спросила: «В живот?», – я ответил: «Нет, ниже...» Тут лицо её покраснело, и она спросила: «И что, надо его вытаскивать?». Я ответил: «Нет, его уже вытащили». Встречный ее вопрос убил меня наповал: «А кто?». Тут, наверное, профессиональный интерес победило женское любопытство...

В общем, всё закончилось благополучно, сделали нам уколы, мне даже не пришлось напрягать свою голову в поисках доступных, не цензурных слов для обозначения своего пострадавшего органа. Правда, когда я вышел из медпункта, мне гипотетически представилась такая идеалистическая картина: молоденькая медсестра своими красивыми ручками вытаскивает этого негодяя клеща из другого непослушного «негодяя»...

Вот такую историю рассказал мне мой друг-дальневосточник, у которого коронавирусная пандемия ассоциируется с боязнью подхватить энцефалитных клещей, боязнью, что сопровождала его жизнь там, на Дальнем Востоке.

ВЕС НА ВЕС

Или вот ещё рассказ бывшего работника этого же завода. По смыслу получается – об укреплении обороноспособности нашего государства.

В той нашей советской стране каждый отслуживший в армии периодически призывался на воинские сборы. На такие сборы и был призван старший мастер механического цеха Фима. Все попытки отдела кадров отбить его у военкомата были безуспешны, и он пошел служить на несколько месяцев. Но когда появились проблемы в цехе на его участке, начальник этого цеха поставил перед руководством завода вопрос ребром: если Фиму не демобилизуют, он не гарантирует выполнения плана. А план – это священная корова, трогать его – боже упаси. Большого ужаса трудно даже представить, и начальнику кадров было категорично приказано срочно поехать в воинскую часть и без Фимы не возвращаться.

Фима был человек масштабный, ростом под два метра и весом 150-170 кг. Эти параметры и сыграли главную роль на переговорах с командиром части, так как в итоге договорились о сделке: менять его вес на вес. То есть Фиму отпустили в обмен на обещание передать воинской части 160 кг колючей проволоки, которой им не хватало, чтобы что-то там отгородить. Заводу очень повезло: именно столько весил сам Фима. Представителю завода – начальнику отдела кадров – поверили на слово: Фиму взвешивать не стали.

Сделка состоялась. Советская армия и завод должны были бы сказать спасибо маме Фимы, которая вырастила его таким большим и тяжёлым.

ВСЁ В ПОРЯДКЕ... ИДЁМ КО ДНУ

Когда нет конкретного дела, а есть много свободного времени среди приятного окружения, в лёгком подпитии можно вспомнить много разных историй. Не надо быть профессиональным писателем, чтобы эти истории стали короткими рассказами, достаточно посидеть в хорошей компании и постараться дословно записать, о чём там говорилось. Мне посчастливилось много раз быть участником таких посиделок, среди знающих друг друга, дружелюбно настроенных людей, но очень разных по жизненному опыту, образованию и характеру. Естественно, и рассказанные ими истории были тоже разными.

Итак, вот первая байка – одного из членов такой компании, бывшего главного энергетика завода:

– Это было летом, в воскресенье. Дул очень сильный ветер и шёл проливной дождь. Ветер был такой силы, что в городе падали деревья и срывало с построек крыши. Я звоню дежурному электрику по подстанции, чтобы узнать обстановку на заводе. Работал в этот день Вячеслав – отставной офицер, моряк, не отвыкший ещё от уставного шаблона. На мой вопрос – как дела? – его ответ по телефону был лаконично уставной: «Товарищ главный энергетик, на заводе всё в порядке, за исключением того, что крышу снесло с подстанции, стою по колено в воде, и завод отключён». А по-морскому это получается: всё в порядке, идём ко дну. Естественно, после такого «всё в порядке» пришлось бежать на завод принимать меры к восстановлению его электроснабжения.

ПО 90 ПЕЛЬМЕНЕЙ

Как ни странно, но моя трудовая биография – это сплошные причуды судьбы. В силу этих самых причуд много лет назад я работал генеральным директором одной внешнеторговой фирмы. Так вот, тогда исполнение одного из контрактов с китайской фирмой стало причиной моей экстренной поездки в Китай, в город Циндао. Договорённость с китайскими партнёрами была такая: наша делегация (три человека) из Хабаровска прилетает в Харбин, нас там встречают, и поездом мы едем до Далияна, а потом морем на судне добираемся до Циндао. Следуя намеченному плану, мы – я, мои помощники Миша и Саша – приехали в Хабаровск, в аэропорту взяли балеты до Харбина и уже дошли до пограничного контроля, как по радио услышали, что наш рейс переносится на утро и пассажирам предложено пойти переночевать в свои гостиницы.

Что ж, дело обычное. Мы вернулись в гостиницу, договорились с дежурной о ночёвке и решили пойти в ресторан поужинать. Было около десяти вечера. Саша немного приболел, и в ресторан я пошёл с Михаилом. Там мы немножко расслабились после всех дорожных хлопот в аэропорту, заказали еду с небольшой выпивкой, и сытно поужинав, попросили официантку принести счет. Ужин на двоих и триста грамм водки обошлись нам в 70 рублей.

Тут надо сказать, что всё это происходило 2 января 1992 года. А это был славный исторический день, когда Гайдар отпустил цены, день перехода советской страны на рыночную экономику. Ещё вчера курс доллара был 6 рублей, а сегодня – 70 рублей. И этот факт очень нам

помог, так как выяснилось, что рублей у нас практически не было, за ненадобностью, мы же поехали в зарубежную командировку. Правда, мы не предполагали, что это станет проблемой, так как пришлось рассчитываться валютой.

Когда я спросил официантку, можно ли заплатить по счёту долларами, она, сделав удивлённые глаза, сказала: «Я не знаю, пойду спрошу у администратора». И ушла. Придя через некоторое время, она сказала: «Давайте вашу валюту». Я ей даю один доллар. Она говорит: «Вы что, смеетесь, почему так мало, всего один доллар». Я ей объясняю, что сегодня такой курс – один доллар стоит 70 рублей, т.е. столько, сколько стоит наш ужин. Строго сказав нам не уходить, она куда-то убежала, но вскоре вернулась с какой-то женщиной, как оказалось, с администратором, которой захотелось увидеть клиентов-валютчиков, сумевших поужинать за один доллар.

Вот такое было тогда время. Совсем ещё недавно отменили 88-ю статью, строго карающую за валютные операции, вплоть до смертной казни.

Это я рассказал только о начале наших приключений в заграничной командировке. На следующий день утром мы благополучно улетели в Харбин, где нас по прилёту встретил китайский переводчик, представитель фирмы. Он, в соответствии с договоренностью, посадил нас в поезд, на котором мы должны были приехать в город Далиан. Китайский поезд – это 24 вагона, половина которых – жёсткие, другая – плацкартные, и только один мягкий для ВИП-персон. Конечно, ехать мы должны были в мягком вагоне, но переводчик Ли посадил нас в жёсткий, успокоив словами, что он скоро всё уладит. Рассадив нас

на жесткие скамейки, стоящие поперёк вагона, он побегал решать проблему.

Я знал, что в Китае более миллиарда человек, но не предполагал, что почти все они окажутся в нашем вагоне. Вагон буквально был набит людьми, не было мест не только сидячих, но даже и стоячих. Вскоре я почувствовал, что кто-то пытается расположиться на моих коленях. Наконец прибежал наш «спаситель» Ли и добил меня окончательно: «Мест в мягком вагоне нет, придется ехать в этом до Даляня». Называется, успокоил, ведь ехать надо было семнадцать часов. Представив наши муки в такой бочке с сельдью, я ему ответил, что командировка отменяется в связи с невыполнением нашим торговым партнёром условий приёма, и мы выходим на первой остановке, а он находит машину и везёт нас обратно в Харбин, благо мы недалеко от него отъехали. Его реакция меня уже не волновала.

Сказано – сделано. Первая остановка, и наша троица с портфелями дружно выходит из вагона с понуро следующим за нами господином Ли. Поезд ушёл, мы стоим на каком-то разъезде китайской железной дороги, тщетно разыскивая глазами какие-нибудь обитаемые строения. Наконец где-то вдаль на горизонте увидели какой-то поселок и пошли к нему, рассчитывая поймать там машину, чтобы уехать в Харбин. Уставшие, еле волоча ноги, мы добрались до посёлочной гостиницы, которую, к нашему удивлению, быстро нашёл Ли. Устроив нас в её вестибюле и напоив водичкой, он побегал искать машину для обратной поездки. Прошёл час, мы даже успели немного подремать, когда наконец вернулся наш проводник, и не один, а с двумя какими-то мужиками, которых он представил шоферами. Когда мы

вышли из гостиницы, Ли восторженным жестом показал нам десятиместный минибус, сказав, что на нём мы поедем в Далянь, а два шофёра обеспечат безостановочную поездку. Так что командировка не отменяется, утром мы будем на месте. А проехать придётся только 1100 километров.

Здесь я хочу сообщить читателям, что эта командировка в Китай для меня и моих помощников была далеко не первая, и удивить нас было трудно. Мы китайский север проехали много раз по разным дорогам и на разных машинах. Но очень поразила нас, в этот раз, автотрасса Харбин–Далянь: бетонка, напоминающая аэродромную взлётную полосу, ровная как стрела, на отдельных участках сотня километров без единого поворота. В общем, мне казалось, мы не ехали, а буквально летели, и неудивительно, что на месте были раньше поезда, за ночь отдохнувшие и выспавшиеся.

Далее – по морю на судне, а затем сушей на автомобиле мы благополучно доехали до цели нашей командировки – города Циндао, где без особых неожиданностей, успешно решив все коммерческие вопросы с партнёрами по контракту, собрались в обратную дорогу.

Обратный путь был намного проще. Самолётом мы спокойно долетели до Харбина, а оттуда также самолётам, только на другой день, должны были вылететь в Хабаровск. По предварительной договорённости, переводчик Ли должен был быть с нами, пока не посадит на хабаровский рейс. По прилёту в Харбин Ли предложил нам зайти перекусить в ресторан, а потом пойти в гостиницу, где предстояло переночевать. Вылет в Хабаровск был на следующий день.

В ресторане Ли, внимательно прочитав меню, предложил нам заказать пельмени, сказав, что здесь они

очень вкусные. Хорошо, пусть будут пельмени. Когда при заказе он спросил у меня, сколько штук, я ответил, что 90, полагая по 30 штук каждому. У господина Ли после самолета, наверное, заложило уши, и ему показалось, что на каждого по 90 штук. Пельмени на самом деле были очень вкусные, но все съесть, огромную гору на тарелке, смог только один из нас – это был Саша.

Когда мы вышли из ресторана и пошли в гостиницу, я вдруг увидел на дверях какой-то комнаты табличку с надписью по-русски: «Аэрофлот». Тут я вспомнил, что когда, выйдя самолёта, на котором прилетели в Харбин, мы шли к зданию аэропорта, то проходили мимо самолёта с такой же надписью на борту. И тут меня осенило, такое иногда случается, что этот самолёт летит в Хабаровск сегодня. Именно такой вопрос я и задал находящимся в комнате двум молодым людям в форме летчиков российской гражданской авиации, на который получил ответ: «Да, вылетаем через тридцать минут». На второй вопрос: «Возьмут ли они ещё трёх пассажиров?» – ответ был: «Да, если успеете оформиться». А это значит – переделать билеты и пройти таможенный и пограничный контроль.

Сказать, что моё предложение спутникам вылететь в Хабаровск сегодня, а не завтра, было встречено с восторгом, будет большим преувеличением. Им просто не хотелось дополнительных хлопот. Но решение было принято, и я попросил Ли проверить возможность быстро пройти таможенный досмотр и пограничный контроль, а переделать билеты аэрофлотовские ребята, они же и лётный экипаж самолёта, согласились.

Всё, что происходило дальше, было просто поразительно. После проверки Ли доложил: «Таможенники на месте и готовы нас обслужить, а вот пограничников нет,

все ушли домой». Я машинально, на всякий случай, попросил: «Пойди проверь, может, кто-то живет поблизости, и его по телефону можно попросить вернуться». Ли куда-то убежал, а когда вернулся, сказал: «Да, такой нашёлся, ему уже позвонили, и он через десять минут будет». Трудно поверить, но мы, пройдя все проверки, уложились в эти тридцать минут и в сопровождении дежурной буквально добежали до самолёта. Да, здесь китайцы показали верх внимания к гражданам другой страны, не избалованных этим вниманием у себя дома.

Когда мы наконец оказались внутри самолёта и присмотрелись, нам показалось, что свободных мест в салоне нет, правда, некоторые пассажиры сидели как-то странно, как по команде «смирно». Тут я хочу напомнить, что рыночная экономика, в которую входила наша страна, воспринималась поначалу многими как базарная. Тогда расплодились так называемые «челноки» – люди с большими баулами, набитыми разными вещами, которые потом распродавали на всех городских углах. Как оказалось, такие баулы и занимали место в половине пассажирских кресел этого самолёта. Нам пришлось их подвинуть, точнее – убрать, чтобы сесть.

Где-то в два часа ночи мы прилетели в Хабаровск, а затем взяли такси и благополучно доехали до железнодорожного вокзала, где нам предстояло ожидание нашего поезда, а он приходил в шесть утра. В общем, мы уже почти дома, сидим, дремлем, ждём поезда. И тут сквозь дремоту слышу голос Саши: «Радик Львович, одолжи рубль». Я спрашиваю, что случилось. «Мне нужно в туалет, а он здесь платный». В то время на вокзалах туалеты были платные. Доход был гарантирован, если приспичит – отдашь любые деньги. Я не помню,

сколько раз Саша обращался ко мне с подобной просьбой, но помню, что отказал я ему, когда у меня уже кончилась рублёвая наличность. А потребность в ней для Саши, судя по выражению его почти плачущих глаз, ещё далеко не заканчивалась. Трагедия! Кто мог знать, что девяносто пельменей, съеденных им в Харбине, так аукнутся в Хабаровске на вокзале...

Когда Саша позже пытался со мной рассчитаться, я у него не взял ни копейки, пообещав, что так бездарно потраченные им деньги спишем на представительские расходы. А потом подумал: ведь эти расходы списываются на приём гостей, а он – свой, и несчастье с ним случилось на производстве (в командировке), поэтому компенсируем затраты как на несчастный случай на производстве. Но грамотный юрист потом мне подсказал: такое решение создаст прецедент, когда любой случай диареи будет за счёт фирмы, а так можно профукать и все капиталы. Пришлось Саше посоветовать ради светлого будущего фирмы просто меньше есть в дороге...

СТУДЕНТЫ

Студенческая жизнь – это, наверно, самая прекрасная пора. Тебе 17-20 лет, ты живёшь не дома, более того, даже в другом городе, свободен, нет родительской опеки, сам принимаешь решения, и хорошо тебе или плохо – это их следствие. Конечно, для студента главное – учёба. Для Михаила, бывшего городского жителя, учёба в техникуме механизации сельского хозяйства города Куйбышева, Новосибирской области, была, пожалуй, мерой ответственности очень условно, и то только в первом семестре. Тогда он ещё ходил регулярно на лекции, а в свободное время посещал драмкружок и с удовольствием пел в объединённом хоре техникума механизации и педучилища. Жил он тогда в студенческом общежитии, в одной комнате было семь человек, все ребята были деревенские, из разных сёл Новосибирской области, конечно, со своими привычками и капризами. Но жили дружно и весело, помогая друг другу в учёбе и в решении различных житейских вопросов. Пожалуй, главное, что объединяло всех, это доброта, открытость и взаимопомощь.

Грызть гранит науки, конечно, не всем было одинаково по зубам. Вскоре выяснилось, что Михаил имеет большие познания в точных науках (математике, механике, сопромате), ведь он всё же учился в городских школах, а сельские ребята лучше разбираются в технических предметах. Именно на этом и была основана взаимопомощь. Но делились молодые люди не только знаниями в учёбе, но и своими умениями. Так, Жора Бекер прекрасно играл на гармошке и гитаре, а вскоре научился играть и Михаил. Вася Мищенко очень хорошо играл в волейбол, хотя одна рука у него была под

углом 90 градусов, она неправильно срослась после перелома. Но именно она во время игры была самая рабочая. Благодаря ему волейбол стал для всех любимой игрой. Самым большим и сильным был Федя Дружинин, косая сажень в плечах. Как многих крупных людей, его отличала доброта, мягкость, у него была открытая, светлая душа. И эта его широта, в прямом смысле, всех выручала, особенно когда, прячась за его спиной, они шли за ним гуськом во время сбивающих с ног снежных буранов, торопясь утром в техникум.

Большинство парней в те годы одевались очень скромно и практически одинаково. Сильно расстраивался из-за своей одежды и Михаил, особенно когда надо было идти на свидание к девушке. Хорошо, что Коля Бакуменко, имевший такую же комплекцию, как и он, позволял иногда надевать его костюм. Правда, это происходило до той поры, пока им не понравилась одна и та же девушка. Но костюм костюмом, а мужская дружба всё же оказалась крепче чувств к девушке, и Надя, так её звали, не могла понять, почему они вдруг к ней оба охладели. Михаил сам перестал одалживать костюм, когда увидел, какими глазами смотрел Николай на Надю, а Коля, наверное, из чувства товарищества не стал переходить дорогу другу.

Подарком для всех жильцов комнаты был, конечно, Миша Носов, небольшого роста, коренастый, очень скромный деревенский парень. Он, в отличие от других, был домовитый, вечерами никуда не ходил, девочек стеснялся. Утром вставал очень рано, как привык дома у себя в деревне, и маялся без дела. И явным проявлением его доброты было то, что он добровольно взял на себя обязанность по приготовлению завтрака. В начале каждого месяца все отдавали ему по 50 рублей, и перловая каша

да чай с хлебом были гарантированы. Но это их счастье продлилось недолго. Михаил, который стеснялся девушек и вечерами не ходил на свидания, однажды поехал на практику на два месяца и вернулся оттуда с женой. Вот так быстро окрутили нашего кормильца, и это было понятно – ведь лучшего мужа было трудно представить. А для товарищей по комнате это стало большой потерей.

Молодость – лучшее время для учёбы, отдыха, розыгрышей. Одним из жильцов комнаты был Василий Иванысь, и был он немного скуповатый, продуктовые посылки, которые регулярно получал из дому, прятал и не делился съестным со всеми. Как-то раз Вася Мищенко, проходя после занятий по вестибюлю техникума, мимо стола вахтёрши, на котором была разложена почта, увидел извещение на посылку на имя Иваныся и обратил внимание, что на открытке в разделе для письма ничего не написано. Шутки ради он решил написать сам. И вот что написал: «Дорогой Вася, высылаем тебе немного выпечки, сало и 200 рублей денег. Будь здоров, родители». То, что там будут выпечка и сало, он не сомневался, это стандартный деревенский набор, а 200 рублей пусть поищет. Об этом своём розыгрыше, придя в общежитие, он оповестил всех, кроме Иваныся, и было решено за ним понаблюдать. Когда именно он получил посылку и где её вскрыл, этого ребята при всем старании всё же не заметили. Сказался его опыт, а вот грусть на лице спрятать он не смог. Якобы проявляя сочувствие, кто-то у него спросил: «Вася, что случилось? Поделись горем, легче станет». И Вася поделился: «Мне пришла посылка из дому, всё на месте, а деньги, 200 рублей, украли, наверное, на почте». И тут началось. Тогда же была «страна советов». Кто-то сказал: «Вася, деньги не

могли лежать в ящике открыто. Их, наверное, положили в выпечку». И все, из якобы добрых побуждений, в поисках денег набросились на выпечку, да так активно и аппетитно, что через пять минут ее не стало. Но и денег не нашли. Тогда другой сказал: «Они, наверное, в сале. Смотри, какой большой шмат, деньги там внутри, надо резать». И участь сала была решена. Съели, даже без хлеба. А денег нет. Но прежде чем прийти к окончательному мнению, что их украли на почте, пришлось, в поисках, распороть ещё все швы чехла, которым был обшит посылочный ящик. Но в каждой шутке есть только доля шутки. Для Иваныся это был хороший урок. Посылки он больше не прятал.

Распорядок дня у всех жильцов комнаты был примерно одинаковый. Подъём, завтрак, техникум, после учёбы поход в столовую – и домой в общежитие. А там закреплять знания, приобретённые на лекциях, не торопились, так как надо было отдохнуть, поспать и готовиться к свиданию с девушкой. Ведь 17-20 лет – лучшие годы для этих занятий. Ну и что, что там на улице 30-40 градусов мороза и портянки примерзают к подошвам сапога, и зайти погреться некуда, а твоя подруга тоже живёт в общежитии, и из подъездов выгоняют недобрые люди. После двух часов такой дружбы на морозце думаешь только – где погреться. Физику не обманешь, тепло от двух туго прижавшихся тел не компенсирует внешний холод.

Если уж говорить о законах природы, то есть о соотношении численности парней и девушек, то оно явно не было одинаковым. В небольшом провинциальном городке находилось четыре техникума, причем три из них можно было считать женскими (педучилище, медучилище и зооветеринарный техникум), и только один –

мужским (техникум механизации сельского хозяйства). Так что нагрузка на будущих механизаторов была, конечно, непропорционально большая, что не могло не сказаться отрицательно на учёбе. Время для неё уделялось по остаточному принципу.

Но в этом неравновесии для бойких студентов были и свои плюсы – ведь они могли подходить к девушкам более избирательно. Кроме того, каждая комната мужского общежития могла иметь в качестве подшефных три комнаты – в женских. А это позволяло улучшить рацион питания жильцов мужского общежития в критические моменты, которые наступали в конце каждого месяца, когда стипендия заканчивалась, а есть хотелось. В такие моменты задействовали план X (график посещения подшефных комнат), с подспудной целью угоститься у добрых девушек хотя бы стаканом чая с сухарём.

Вот почему Михаил, являясь представителем мужской половины студенчества и равняясь на более активные его ряды, очень быстро ежедневные свидания с девушками превратил в священное дело, отодвинув учёбу в сторону. И только его природные способности и базовые школьные знания всё же позволили ему успешно закончить техникум, даже в условиях такого женского переизбытка...

АРМЕЙСКИЕ БУДНИ

В советские времена служивые, вспоминая годы службы в армии, говорили с гонорком: тот, кто не сидел на «губе», не был в самоволке и не получал наряд вне очереди, тот в армии не служил. И в этом была какая-то доля истины. Михаил, рассказывая на досуге друзьям о своих таких армейских подвигах, особенно гордился нарядом, который он получил за то, что кричал «ура», причём три раза, во время строевой подготовки на первом году службы, проходившей в учебном ракетном центре в Забайкалье.

А дело было так. Стоял декабрь месяц, температура – минус 35 градусов, в такую погоду даже собак не выгоняли на улицу, а его взвод по расписанию занимался строевой подготовкой на плацу. Занятия проводил командир взвода лейтенант Петров. Лейтенант Петров был, что называется, военной косточкой – всегда подтянутый, вытянутый как струна, с зеркально блестящими сапогами, немногословный. Кроме того, он любил проводить коллективные наказания за провинности одного из солдат взвода. А наказание, как правило, было такое: пробежка на три километра всего взвода. Самое интересное – он бежал вместе со всеми.

Еще у него был небольшой дефект речи. Он не все слова четко выговаривал. Когда он командовал: «Взвод, стой!» – получалось: взвод, хой! Ушлым солдатам, его подчиненным, нетрудно было в слове «хой» среднюю букву заменить на другую, более пространственную... Поэтому прозвище, для внутреннего пользования, было у него «Хой», с модифицированной буквой «о».

Во время этой шагистики на плацу разучивали, как по уставу нужно здороваться со старшими по званию и как отвечать на поздравление. Когда лейтенант говорит: «Здравствуйте, товарищи курсанты!» – надо отвечать: «Здравия желаем, товарищ лейтенант!» А когда говорит: «Поздравляю вас с...» – все должны дружно кричать: «Ура! Ура! Ура!» Во время такой очень активной, чтобы не замёрзнуть, маршировки Михаил, находясь в последней шеренге строя, только на минутку задумался – солдату всегда было о чем помечтать. И на: «Здравствуйте, товарищи курсанты!» – нечаянно ответил трёхкратным «ура». Лейтенант Петров это его восторженное «ура» посчитал хулиганством и перед строем объявил ему наряд вне очереди. Показав рукой на удаленное строение, похожее на сарай, которое имело вполне научное название – туалет, а в просторечии – сортир, он сказал: «Там внутри стоит в углу лом, с его помощью собьёте все ледяные наросты над каждым отверстием в полу, и работу свою по окончании сдадите старшине».

Хотя этот наряд для Михаила был первый, и он же последний, вывод он для себя сделал неожиданный, можно сказать, для него судьбоносный. Он подумал, что если гарантировать себе впредь не задумываться, то есть не мечтать во время строевых занятий он не может, а возможные наряды очень плохо пахнут, надо строевую подготовку исключить из своего распорядка. Пораскинув мозгами и вспомнив про свои таланты, он предложил ротному замполиту свои услуги по выпуску стенгазеты. Эта его идея была принята положительно. Теперь погода его не волновала: в мороз и жару он сидел в красном уголку казармы, коптел над газетой. Привычка задумываться, мечтать и умение немного рисовать уже давали другие плоды: передовицы, списанные

с «Блокнота агитатора», различные статейки на казарменные темы, написанные им, но якобы солдатами и даже офицерами, карикатуры и т.п.

Газета получилась – всё, что там отражалось, было на злобу дня. Замполит хвалил, говорил, что Михаил молодец. Но хорошему нет предела, и однажды он сказал Михаилу: «Чтобы газета не была такой скучной, напиши что-то в стихах». Рекомендация была принята как приказ – это же армия! И Миша, в своей жизни не написавший ни одной пары строк в рифму, выполняя приказ, решил подписать одну из карикатур о солдате, уснувшем на посту, такими своими стихами: «На посту стоишь, спишь, писаешь, какаешь – дисциплину нарушаешь». А что, естественные надобности по уставу запрещено отправлять на посту. Прочитав этот поэтический опус, замполит, поставив Михаила по стойке смирно, в приказном тоне сказал: «Никаких стихов, газету писать только прозой».

С тех пор прошло много лет, и Михаилом написано прозой бог весть сколько, но в поэзию он ни ногой: нет приказа. Ведь не зря про то наше славное время написано: *«Я другой такой страны не знаю, где так вольно, смирно и кругом»* (Игорь Губерман).

СОСЕД

Ицик думал, что когда говорят о ком-то «напился до чёртиков», – это такая фигура речи, что-то подобное, например, тому: «напился в стельку». Себя он считал практически непьющим. В компании мог выпить, чтобы не быть белой вороной. Он знал свою норму, точнее, её знал его организм. Когда количество употреблённого приближалось к его норме, у него включалась предупредительная сигнализация – он начинал непрерывно чихать, а если не прислушивался к ней и продолжал пить, то включалась аварийная сигнализация – это значило, что ему нужен тапик для выброса излишне выпитого.

Ицик думал, что все люди так устроены, пока не познакомился со своим соседом по лестничной площадке, Николаем, работавшим врачом-травматологом в городской больнице. Однажды Ицик, зайдя в свой подъезд, вступил на первом этаже в огромную лужу воды – она водопадом лилась сверху аж с пятого этажа, на котором он жил. А когда он поднялся на свой этаж, то увидел, как несколько жильцов стучат в дверь соседа по площадке, с криком: «Николай, открой дверь! Ты затопил весь подъезд!» Когда Николай наконец открыл дверь, все увидели переливающуюся через край ванны воду и открытый кран холодной воды.

Оказывается, Николай действительно напился до чёртиков, и из чисто благородных побуждений, чтобы они, черти, не разбежались, решил их утопить в ванне. А то, что он затопил четыре этажа, – это издержки процесса борьбы с чертями.

Вот тогда Ицик и понял, что «напился до чертиков» – это не фигура речи, а проявление у алкашей известной в медицине болезни под названием «белая горячка», при

регулярном принятии на грудь предельного веса. Почудились черти, значит, чтобы избавиться от них, надо их утопить или поджечь, что Николай и сделал, уже в другой раз. При очередном запое он увидел чертей на подоконнике в своей квартире и решил их сжечь. Хорошо, что всё обошлось и дом не сгорел.

В хорошем подпитии Коля становился специалистом широкого профиля: он мог не только затопить соседей снизу, поджечь дом, но и избить свою жену, не оставляя следов от побоев. Сказывалась профессия, он был всё же врач-травматолог. А как человек пунктуальный, жену он бил по расписанию: всегда после двенадцати часов ночи. В это время она кричала: «Роза помоги!» Роза, жена Ицика, добрая душа, услышав через стенку зов о помощи, выскакивала в одном халате на лестничную клетку и отчаянно стучала в их дверь своими кулачками, пока не прекращался крик.

Естественно, такая бурная семейная жизнь не могла долго продолжаться, и однажды Николай с женой решили развестись. Квартира у них была двухкомнатная, и они разбежались по комнатам. Отдельного жилья им при разводе не предоставили. Теперь он жил в одной комнате, а она – в другой. Получилось, что двое чужих людей живут в одной квартире, более «мудрого» решения в их головы тогда не пришло.

Прошло несколько месяцев, всё хорошо, у неё уже появился новый ухажёр – капитан, у Николая – тоже новая дама, и немудрено, что они решили дружить домами. И уже в таком статусе они однажды договорились посидеть за одним столом. Посидели, выпили, закусили, познакомились, разговорились, слово за слово, вспомнили былое. Вдруг Коля встал, пошёл в свою комнату,

надел там боксерские перчатки, вернулся, врезал капитану в скулу, и тот упал в нокауте. А в это время Ицик, возвращаясь с работы, поднялся на свой этаж, и вот перед ним картина: неподвижный товарищ капитан лежит на пороге открытой соседской квартиры, над ним, наклонившись, сидит соседка и причитает: «Ой, убили, ой, убили!» А Коля, огромный двухметровый «шкаф», перешагивая своими длинными ногами через обоих, быстро уходит. Соседка теперь кричит: «Держите убийцу, держите убийцу!»

Что делать Ицику, чуть более полутора метров роста, щупленькому? Надо задержать убийцу, решил он и пошёл за ним. Вышли из подъезда, Николай быстро уходит, Ицик как бы бежит за ним, решая на ходу, что он будет делать, если его догонит. Все его сомнения были разрешены, когда «убийца», повернувшись к нему, сказал: «А тебя я завтра убью». Услышав такое, Ицик подумал, что два трупа – это уже много, и решив не испытывать судьбу, развернулся и пошёл домой. Когда на лестничной площадке на пороге соседской двери он увидел сидячего «убиённого» товарища капитана, проверяющего рукой цельность своих зубов, у него мелькнула мысль – как хорошо, что не догнал Николая.

САНТЕХНИК

Эту историю рассказал мне Семён, инженер заводского ОКСа, в одной из совместных командировок в Москву. Жил я с ним в одном номере гостиницы «Россия». Как-то разговорились на досуге. Вот его рассказ.

– Когда я учился в Хабаровском политехническом институте на факультете «водопровод и канализация», то жил в институтском общежитии и подрабатывал там слесарем-сантехником. Исправлял, по просьбе коменданта, поломки, которые случались в водопроводной сети, прочищал канализацию в туалетах, менял краны – в общем, делал всякие сантехнические работы.

Но особой проблемой была канализация. Студенты бросали в унитазы чёрт знает что, и канализация забивалась при этом так, что вонь из туалетов была в нос, когда открываешь входную дверь общежития. В общем, работы хватало. Главным инструментом был тросик, которым я пробивал любой затор.

Но однажды в одном из туалетов канализация забилась так, что прочистить ее тросиком я не смог. Решая эту проблему, я вышел на улицу – проверить, можно ли прочистить главный канализационный стояк с колодца. Открыл люк – колодец пустой, стояк же забитый, стою и думаю, что делать. И вдруг вижу: недалеко подъезжает пожарная машина. Тут меня осенило: а что, если водой из этой машины дунуть в стояк с колодца. С этой идеей я подошёл к пожарникам и говорю: «Мужики, помогите в моей беде». Поняв, что брандспойт придётся опускать в вонючий колодец, они, конечно, категорически отказались, но долго уговаривать их не пришлось, потому что отказаться от бутылки они не смогли.

Итак, процесс пошёл. Я, не залезая в колодец, рукой дотянулся до сливного отверстия, вставил туда брандспойт и скомандовал: «Дуй!» Когда, открыв дверь несчастного туалета, я пошёл посмотреть на плоды этой команды, то сразу понял, что в этом общежитии мне не жить, а может, и вообще не жить. Нет, идея была хорошая, канализацию я прочистил, но поскольку бывают издержки производства, содержимое всех забитых дерьмом труб вылетело из унитазов и оказалось на потолке и стенах. Туалеты, канализационные трубы которых шли от этого стояка, сразу стали похожими на сталактитовые пещеры. Вылетевшие с унитаза под большим напором ошмётки, прилипшие к потолку и стенам, напоминали сосульки таких пещер.

Дальнейшие мои действия были автоматическими. Я быстро зашёл в свою комнату, забрал свои вещи и был таков. Больше в общежитии я не появлялся.

Еще оказалось, что кроме потолков и стен, была и другая жертва: один студент в тот момент сидел на унитазе. Наверно, от мощного напора снизу он ударился головой о потолок. Думаю, что хотя я и хороший бегун, но ноги меня бы не спасли при встрече с пострадавшим.

МЕШОК

А вот ещё рассказ про приключения студента. Виктор учился во Владивостокском высшем мореходном училище и жил в его общежитии. Наступили каникулы, и так случилось, что жильцы его комнаты разъехались, и ему пришлось сдавать все постельные принадлежности на склад. Он собрал все одеяла, простыни, подушки и т.д. в матрасовку, получился большой мешок с него ростом, завязал его бельевой верёвкой и потащился с ним на автобусную остановку. Ехать надо было на другой конец города. А на остановке тьма народу, всем куда-то надо ехать.

Наконец подошёл автобус, и Виктор со своим мешком под напором толпы оказался внутри. Автобус поехал, внутри были туго прижатые к друг другу люди. Когда он стал подъезжать к своей остановке, Виктор понял, что с мешком ему не выйти. Что делать? И тут его осенило – он решил выйти без него. Но поскольку бельевая верёвка, которой был завязан мешок, была длинной, он её конец накрутил на руку и пошёл к выходу. Вышел, привязал верёвку к фонарному столбу, и стал наблюдать, что будет. Автобус тронулся, и тут Виктор увидел, что его мешок пошёл к выходу, выпихивая людей по ходу движения.

А дальше всё было невесело. Мешок-то вышел, но с ним – ещё два мужика, которых он вытолкнул. А автобус ушёл. Возникшая у мужиков агрессивность была понятна. Продолжая свой рассказ, Виктор сказал, что мешок-то ходить мог, а говорить – нет, поэтому ему самому пришлось объясняться с мужиками на доступном им языке...

УХА ИЗ ПЕТУХА

Был тёплый майский день, воскресенье, и неутомонный наш Владик, муж моей сестры, предложил этот день провести на природе, с семьями. Хорошо, что до этой природы, большой поляны на берегу Биры, идти было недалеко, может быть, километр по дамбе, от наших домов. Жили мы в микрорайоне имени Бумагина. К нам присоединилась Жанна, сестра Владика, с мужем Виктором. В девять часов утра мы были уже на месте. Наш «вождь» Владик, признанный инициатор всех застолий и дней отдыха, сразу предложил мне и Виктору пойти порыбачить, благо удочки и наживку мы прихватили с собой. А он, пока мы будем рыбачить, разведёт костёр, почистит картофель, в общем, подготовится к варке ухи. Детям он поручил пойти собирать хворост для костра. Под его руководством все быстро оказались при деле.

Прошёл где-то час. Ни у меня, ни у Виктора – ни одной поклёвки. Было начало мая, только сошёл лёд, и рыба ещё, наверное, не проснулась – так решили мы и пошли к Владiku сказать, что уха отменяется. Каково же было наше удивление, когда мы увидели полыхающий костер, над ним – висящий котелок, и при этом Владик что-то пробует из деревянной ложки, шевеля щепоткой усов под носом. Усы у него были универсальные, он ими мог определять – надо добавлять соль или нет, не пробуя еду на вкус. Я говорю ему: «Владик, мы ничего не поймали, не было даже ни одной поклёвки». А он отвечает: «Ну и хорошо, зато я поймал, здесь недалеко, на озерке, вон уха уже почти готова». И тут я почувствовал резкий запах лаврового листа и ещё чего-то. Запах был настоящей ухи.

Вскоре вся наша большая компания уже сидела на траве вокруг расстеленной клеёнки с расставленными яствами и котелком с ухой посередине. Черпая деревянной ложкой уху, после каждого тоста я всё пытался достать кусочек рыбки, но рыбка не попадалась. Я сказал: «Владик, а где рыба?» – «Да она вся разварилась», – ответил он.

Когда всё было выпито и уха съедена, я спросил: «Владик, а где ты поймал рыбу, тут вроде озера нет, а на Бире тебя не было». – «Да никакую рыбу я не ловил», – ответил он. «А из чего была уха?» – «Из петуха, а точнее, из горохового супа, – и он показал пустой пакет из-под этого супа. – Хотите, скажу рецепт, – продолжил он, – берём котелок, наливаем воду, бросаем туда картошку и ставим котелок на огонь. Когда все закипит, бросаем гороховый суп из пакета и затем побольше кидаем лаврового листа и перца. Да, чуть не забыл, – даём выпить по двести грамм водки на едока. Если будет больше водки, уху могу сварить даже из топора».

И я ему поверил – он всё мог, потому что был гений, родом из Одессы.

РЫНОЧНО-БАЗАРНАЯ ЭКОНОМИКА

В 90-м году ещё существовал Советский Союз. Правда, это уже был конец застойного времени, общественная атмосфера была пропитана ожиданием кардинальных изменений, появились первые признаки рыночных отношений (кооперативы), приоткрылся «железный занавес» (можно было выезжать за границу), отменена монополия государства на внешнюю торговлю, и т.п. Жителей Еврейской автономной области всё чаще можно было видеть в соседних странах – Китае, Южной Корее, Японии. Решая различные коммерческие проблемы, связанные с исполнением внешнеторговых контрактов, представители ассоциации ЕВА многократно бывали в различных городах названных стран. Особенно – в северных городах Китая: Харбине, Тунзяне, Фудзине, Даляне и др.

Конечно, бывая за границей и решая производственные задачи, автор этих строк и его партнёры – Михаил, Семён и Александр – старались что-то купить и для себя. Купить – это громко сказано, валюты ведь ни у кого не было, купить – это значило выменять или продать за юани привезённые вещи, конечно, пользующиеся у китайцев спросом (командирские часы, женские часы «Звезда», одежду из шерсти, пальто, шинели и т.п.). Очень часто процесс купли или продажи напоминал цирковое представление. Настоящими циркачами среди нас были Саша и Миша. Когда они появлялись на рынке города Тунзян, за ними тут же выстраивалась толпа зевак. Китайцам очень нравилось смотреть на процесс торга – как наши «специалисты» сбрасывали цены в два и более

раза. На рынке их все знали, куда они – туда и толпа. Однажды Саша под аплодисменты таких зевак выменял кроссовки на своё осеннее пальто в клеточку, которое прилюдно снял со своих плеч. Это пальто всё ещё теплелось на ветру, когда мы приехали туда через месяц, и я предложил Саше поменять его обратно.

Особенно китайцам нравились наши шинели. Однажды идём мы по улице Харбина, а навстречу нам идёт генерал советской милиции, правда, не по форме одетый: вместо папахи у него на голове была кепка, в народе называемая «аэродром». Это был китаец, выменявший у кого-то генеральскую шинель, прямо с погонами.

В те годы во всём мире велась активная борьба со СПИДом, в Китае – тоже. Поэтому, чтобы пройти китайскую таможню, надо было предъявить медицинскую справку об отсутствии этой болезни. Но бывало, что кто-то забывал про эту справку, и тогда, пропустив через пограничный переход, его везли в китайский госпиталь, где, сделав необходимые анализы, отпускали. Потом эта борьба начала стихать и превращаться в коммерцию: возить в госпитали прекратили, но требовать справки не перестали, сделав возможность ее покупки прямо на таможне. Самое интересное – когда на нашем пограничном переходе в селе Ленинское узнали об этом, то русские ребята решили перехватить этот бизнес, начав продавать эти справки у себя на таможне.

В те времена китайские товары широким потоком хлынули на российский рынок, но их качество сильно уступало той китайской продукции, которая заполонила западный мир. Моя дочь всегда по запаху определяла,

где я покупал для неё кофточка, брюки или плащи. По-
нюхав их, она говорила: «Папа, это ты купил на рынке,
я носить не буду». Чесночный китайский запах был
очень стойким. Однажды, приехав из туристической по-
ездки в Париж, вся в обновках, она сказала, демонстри-
руя мне покупки: «Смотри, какие должны быть вещи». Я
стал смотреть ярлыки, и удивительно, но все они –
плащ, сумка, кофточка и т.п. – были сделаны в Китае.

А в качестве китайских товаров, купленных не на
Западе, а в Китае, я сам убедился, пойдя однажды в но-
вых туфлях в дождливую погоду на работу. Стоя на ме-
таллической решетке у входа в офис, я, старательно ёр-
зая по ней, очищал туфли от грязи и вдруг почувствовал
холод в ногах – оказалось, что я вместе с грязью стёр
подошвы, так как они были сделаны из картона.

По роду коммерческой деятельности мне довелось
быть в Южной Корее, в Сеуле, и посещая там магазины,
я убедился, насколько качественнее китайских были ко-
рейские товары. Но особенно поразила меня практика
распродажи несезонных товаров. Представьте себе: в
магазине на полу стоит стог, только не сена или соломы,
а из беспорядочно наваленных предметов летней
одежды – маек, рубашек, брюк мужских и женских,
женского белья и т.д. А на вершине этого стога сидит
женщина с поясом для денег. Стог этот окружён поку-
пателями, выдёргивающими из него выбранные вещи и
отдающими деньги этой женщине. Любая вещь стоила
один вон, будь то брюки, рубашка или майка. За один
вон, по-нашему – один рубль, можно было купить
вполне приличную вещь.

Но особенно мне запомнился процесс поиска и покупки кроссовок одним из членов нашей группы. У него был 47-й размер ноги, и подобрать обувь для него было большой проблемой. Когда же он на рынке увидел стог, но только из одних кроссовок, он сказал нам: «Вы идите, ребята, а я тут посижу». Мы поняли, что он тут надолго, и ушли. Когда через час мы вернулись, то увидели нашего друга счастливым, с улыбкой на все тридцать два зуба и с громадными кроссовками в руках. Он стоял возле двух стогов – второй стог был из перебранных им кроссовок...

ЗДРАВСТВУЙТЕ, Я ВАШ ДЯДЯ ИЗ КИЕВА

Григорий с интересом слушал рассказ соседки по купе – молодой, приятной наружности женщины – о происшествии, которое с ней случилось, когда она садилась в поезд. Вот её рассказ:

– Закончив все дела с покупками, за которыми приехала в Хабаровск из Биробиджана, я на автобусе доехала до вокзала. Там, взяв билет, поспешила сесть в свой вагон поезда Хабаровск–Биробиджан, который биробиджанцы называли курьерским: на нём они ездили в Хабаровск покупать кур, и моя поездка не была исключением. Когда садилась в вагон, естественно, показала проводнице билет. Вагон был пуст, и в плацкартном купе я была одна, правда, недолго. Вдруг забежала женщина, вся в мыле, и бросив чемодан на верхнюю полку, промолвила: «Слава богу, успела, – и добавила, – вы не скажете, когда мы будем в Вяземске?» – «В каком Вяземске, этот поезд идёт в обратную сторону, в Биробиджан», – сказала я. «Ой! – воскликнула она, – спасибо!» И схватив чемодан, так же быстро выскочила из вагона, как и забежала. Прошло несколько минут, заходит другая пассажирка, садится и тоже начинает разговор про Вяземск. Тут я не выдержала: «Этот поезд едет в Биробиджан!» – «Да?» – и она как ошпаренная поднялась и быстро вышла из вагона. И когда зашла третья женщина, я уже первая спросила: «Вы тоже едете в Вяземск?» – и она ответила: «Конечно». И вот только тут у меня в голове что-то щёлкнуло. Они все едут в Вяземск, а мне куда? И проводница мне объяснила, глядя на мой билет, что я еду в Биробиджан, но поезд идет до станции Вяземск. Теперь выбегать из вагона была моя

очередь. Хорошо, что мой поезд ещё не ушёл, и я сейчас сижу перед вами, вся такая виноватая.

Этот рассказ попутчицы Григорий вспомнил, когда много лет спустя с ним случилась подобная история. А события тогда развивались в Израиле, в аэропорту им. Бен-Гуриона. И вот рассказ Григория:

– Я с партнёром по бизнесу должен был улететь в Москву. Мы взяли билеты, и как принято, за три часа до вылета прибыли в аэропорт. Прошли проверку безопасности, правильно ответив на вопросы: кто собирал портфель, везу ли какие-то передачи, не оставлял ли портфель безнадзорным, и т.п. Прошли таможенную и пограничный контроль. Нашли выход на посадку на наш рейс и стоим в очереди, ждём объявления. Делать нечего, смотрю по сторонам, и вдруг мой взгляд останавливается на табличке «туалет». Прокрутив в голове, я решил, что время ещё есть, и решил – пойду. Когда оттуда через две минуты я вышел, то увидел, что очереди моей уже практически нет и моего напарника – тоже, а последние пассажиры спускаются вниз к автобусу на посадку. Я быстро подошёл к служащей, показал билет, посмотрев который, она сказала: проходите. Потом я ещё три раза показывал билет служащим аэропорта: у входа в автобус, у трапа и в самолёте стюардессе, которая тоже вежливо сказала: проходите, садитесь. Я сел на своё место, положив наверх портфель. Смотрю, рядом сидит мужчина, но это не мой партнёр. Потом подходит ко мне какая-то женщина и говорит: «Это моё место». – «Как ваше, давайте разберёмся», – и я подозвал стюардессу. Она, посмотрев на мой билет, осторожно, как маленького ребенка, берёт меня за руку, и сказав: «Пойдёмте

за мной», – повела меня к выходу из самолёта, приговаривая по дороге: «Вы только не волнуйтесь, сейчас всё уладим». Я спрашиваю: «Что уладим?» Она говорит: «Вы летите в Москву?». Я отвечаю: «Да». – «А этот самолёт летит в Киев», – почти шёпотом говорит она. Потом, куда-то позвонив, уведомила: «Сейчас подойдёт автобус, и он вас довезет прямо до вашего самолёта». И действительно, персональный автобус довёз меня прямо до трапа, надеюсь, моего самолёта, на который ещё продолжалась посадка. Мой напарник стоял у трапа и отчаянно крутил головой в поисках меня. Когда наши глаза встретились, он выпалил: «Куда ты пропал, по моей просьбе тебя разыскивают по радио. А ты как сквозь землю провалился». – «Никуда я не провалился, просто, когда вышел из туалета, посмотрел не в ту сторону, а рядом с выходом к самолёту на московский рейс был выход на киевский. И чёрт меня угораздил принять его за тот, который мне нужен, и пройдя четыре проверки билета, сесть в самолет, летящий в Киев. Так что привет, дорогой, я твой дядя из Киева».

Шутки шутками, но вывод: всегда надо смотреть в нужную сторону, чтобы не улететь в тартарары, и помнить, что у самолёта в полёте двери не открываются...

ПЕРЕУТОМЛЕНИЕ

Яков Абрамович, главный энергетик завода, как всегда задумчивый, переполненный своими профессиональными заботами, зашел в соседний кабинет – отдел капитального строительства. Надо было что-то согласовать. Открыв дверь, он сразу увидел идущего ему навстречу мужчину, очень похожего на него, и машинально протянул ему руку, чтобы поздороваться. Тот тоже протянул руку. Когда осталось совсем немного до рукопожатия, его оглушил хохот, которым разразились сидящие за столами люди, наблюдавшие за этой сценой. Оказывается, он здоровался со своим отражением в зеркале. На противоположной стене в прихожей кабинета висело большое, в рост человека зеркало, которое было повешено недавно. Яков Абрамович смеялся вместе со всеми, забыв, зачем зашёл, и согласился с диагнозом, который поставил ему коллега Арон Исаакович, начальник ОКСа: здороваться с самим собой – это переутомление.

Он вспомнил, что несколько дней назад целый день ходил по заводу, наступая на подол, в чужом огромном плаще, который, также в глубоком раздумье, нечаянно надел, уходя с совещания у директора завода. Ходил по цехам завода, не понимая, почему не может попасть в карманы, так как не видел, что они ниже колен. Он не понимал, почему улыбались встречные, пока хозяин плаща, Николай Петрович, замдиректора, почти двухметровый мужчина, не поймал его за рукав, сказав: «Яков Абрамович, отдай мой плащ, я тебя ищу целый день, и заberi свою курточку».

Тогда он тоже предположил, что такая задумчивость – это от переутомления. До этого случая он два дня ходил на работе и дома в туфлях – один 40-го, другой 42-го размера, – пока его друг Семён не позвонил и спросил: «Яша, тебе ничего не жмёт?» Яков, пошевелив пальцами ног, ответил: «Нет, наоборот, правый туфель очень свободен». – «Конечно, это же мой туфель, – сказал Семен, – ты его надел, когда вечером уходил от меня». Но как тут не перепутать, если туфли были одного фасона, потому что сделаны на нашей биробиджанской обувной фабрике.

ЗАЙЦЫ

Главный технолог завода Виктор Иванович, главный механик Анатолий Петрович и начальник ОКСа Арон Семёнович, не сговариваясь, встретились на биробиджанском вокзале. Как оказалось, им всем надо было по срочным делам выехать в Хабаровск. Но, что бывает довольно редко, билетов в кассе на хабаровский поезд почему-то не было, и перед ними встал извечный вопрос: что делать? И тут Арон Семёнович сказал: «Я не привык с вокзала уходить домой. Раз так случилось, давайте поедим зайцами. Ехать-то всего три часа, посидим в вагоне-ресторане до Хабаровска».

Это предложение было принято единогласно. Сказано – сделано: по прибытии поезда они уже были в ресторане, сели за столик, заказали что-то выпить и закусить. Довольные, что уже едут, разговорились, громко хваля себя за смелость и часто произнося слово «безбилетники». Они не заметили, что мимо их стола несколько раз прошёл какой-то мужчина в железнодорожной форме. Когда до Хабаровска осталось ехать минут 30-40, их эйфорию нарушило громкое сообщение буфетчика: «Ресторан закрывается, просьба всем его покинуть». Но Арон Семёнович и здесь не растерялся, предложив: «Пойдём постоим в тамбуре».

Вскоре все, уже с портфелями, стояли в тамбуре какого-то вагона, напряжённо ожидая свою станцию. И тут тишину нарушили слова, произнесённые проходящим железнодорожником: «Товарищи, покажите ваши билеты». Арон Семёнович как неформальный лидер сказал: «Наши билеты в первом вагоне». – «Тогда пошли в первый вагон», – был ответ. Далее картина выглядела

так: первым в колонне шёл железнодорожник, потом – Арон Семёнович, остальные – за ним.

Пройдя несколько вагонов, начальник ОКСа оглянулся и очень удивился, так как никого за ним не было. Его коллеги убежали, решив – пусть он из щекотливой ситуации выкручивается сам. Но он с их решением не согласился, подумав – если они убежали, то и он может. И рванул так, что пришёл в себя только в последнем вагоне, выполнив, наверное, норматив мастера спорта по бегу с препятствиями.

Когда на вокзале в Хабаровске все командировочные встретились, убежавшие коллеги как ни в чём не бывало спросили Арона Семёновича: «Ну как?». Он спокойно ответил: «У меня никак, а как у вас, я вам сейчас расскажу». И выдал на гора плод своей фантазии. Надо же было отомстить за предательство. «Меня контролёр простил, но я вынужден был назвать ваши фамилии, и где и кем вы работаете. Да, чуть не забыл, – продолжил Арон Семёнович, – штраф на зайцев, сказал контролёр, придёт в отдел кадров завода, и фамилии ваши будут опубликованы в газете “Биробиджанская звезда” в рубрике “Они позорят наш город”».

После этой злосчастной командировки несколько дней главный механик и главный технолог начинали свой рабочий день со звонка в отдел кадров и вопроса: «Мне ничего не пришло?». Далее следовало молчание в трубку на встречный вопрос: «А что вы ждёте?». А чтение местной газеты каждым из них стало обязательным ритуалом перед обедом, к большому удивлению жены и детей. Всю правду коллеги узнали от Арона Семёновича только тогда, когда обряд покаяния, по его мнению, был беглецами достаточно прочувствован.

В ПОЕЗДЕ

Заняв свои места в купе, семейная пара Семён и Роза наконец немного расслабились. Впереди их ждал отдых в Приморье, на турбазе «Тихий океан». Был июль месяц. По опыту, они надеялись, что погода их не подведёт, и они прекрасно отдохнут, купаясь в Амурском заливе и загорая. Их благостные мысли неожиданно прервал бодрый голос: приветствие соседа, появившегося в купе. Крупный мужчина с добрым, располагающим к себе лицом разместился напротив них и тут же начал разворачивать какой-то свёрток. Этот процесс невольно привлёк внимание семейной пары. Они с нескрываемым любопытством стали наблюдать, как их сосед с аппетитом стал поглощать содержимое свертка – пахнущие чесноком и луком куски свежего сала.

Как человек интеллигентный, увидев завидующие глаза семейной пары, сосед вежливо предложил им разделить трапезу, на что они, не ломаясь, согласились. Сало действительно оказалось очень вкусным, и Семён, выражая своё восхищение, вдруг спросил: «А как звали этого покойника, чьё сало мы едим?». Сосед, поперхнувшись, ответил: «Этого – Боря, а ещё был у нас кабан Вася, так мы его сдали на мясокомбинат, а сало Феди мы продали на рынке». Семён был удовлетворён ответом, а Роза, натура более впечатлительная, узнав про судьбу Бори, Васи и Феди, есть сало категорически отказалась.

Когда поезд подъехал к Хабаровску, Семён выскочил на вокзал купить журнал «Огонёк» и газету. Вер-

нувшись в вагон, он с удивлением услышал упрёк от соседа: «А зачем вы купили “Огонёк”, он у меня всегда с собой, – при этом он показал на бутылку водки, – и газета есть».

Тут я хочу напомнить, что описанное выше происходило летом 1986 года, а это был разгар борьбы с пьянством. Чтобы не стать её жертвой, процесс распития спиртного советским народом был зашифрован: бутылка водки по шифру называлась «огоньком», а само питье спиртного называлось «чтением газеты». Поэтому тогда люди зачитывались газетами до упаду...

СВИДАНИЕ

Ищик, выбритый и отутюженный, пошёл на свидание к своей девушке, по договорённости, к ней домой. Но когда он подошел к забору её дома, на него неожиданно набросилась какая-то бродячая собака. Схватив его за штанину, она всё пыталась цапнуть его за ногу. Отбиваясь от неё, он изловчился схватиться за штакетник забора, подтянуться и перебросить своё тело через него. Но беда не приходит одна. Упал он прямо на разбитое стекло, разодрав штанины и до крови поцарапав ягодицы.

Его девушка, увидев парня в таком неприглядном виде, тут же принялась приводить его в порядок. Зайдя в дом, она попросила его снять брюки, чтобы их зашить, и дала ему пачку пластырей для заклейки порезов, сказав, показывая на висящее на стене зеркало: «С его помощью ты увидишь, где у тебя порезы». И вышла, чтобы не смущать.

Когда она зашла в комнату через полчаса, то первое, что увидела, это своего ненаглядного, сидящего в трусах на диване с ногами по-турецки и с дурацкой улыбкой на лице. И только потом её взгляд остановился на зеркале, низ которого весь был оклеен пластырями. Когда она разгадывала загадку, почему пластыри были на зеркале, а не на теле, то вдруг поняла, что её парень, падая с забора, ударился ещё и головой. Этим, наверное, и объяснялась его дурацкая улыбка.

ШЛИМАЗЛ

Каждый, кто служил в Советской Армии, знает, что особо потрясающими для психики у него были самые первые дни пребывания в ней. И Роман в этом плане не был исключением. Но самое главное – он с первых дней быстро усвоил основной армейский принцип: полный запрет самостоятельного мышления. Оказалось, что свои мозги ему можно было нагружать только для исполнения команды старших по званию.

В первые дни таким начальником был старшина, пожилой дядя с громким голосом. Когда после бани и переодевания в военную форму все новобранцы стали вдруг на одно лицо, ну как китайцы для русских, и даже своих дружков можно было узнать только по голосу, Роман быстро научился в солдатском хоре слышать голос старшины и чётко выполнять его команды.

На сеновале, куда он пришёл со взводом, Роман по требовательной команде старшины со всей силы ногами утрамбовал матрасовку и наволочку соломой, пока не получились две туго набитые колбасины. Потом, по очередной команде, все эти колбасины были уложены в казарме на пружинные сетки металлических двухэтажных кроватей. Когда эти «продукты» накрыли простыней и одеялом, Роман понял, что это он соорудил себе спальное место.

Правда, первая его ночь на этих круглых матрасах была похожа на брачную, так как колбасины откатились, и в обнимку с соседом по кровати, с таким же матрасом, они всю ночь, как убитые, проспали на голых пружинных сетках.

Второй день для Романа был тоже очень памятным. После завтрака солдатам выдали парадную форму – мундиры. Эти мундиры старшиной выдавались по росту, а размер он определял визуально, внимательно рассматривая каждого зашедшего к нему в каптёрку.

Когда Роман предстал пред очи старшины, тот понял, что нужного для Романа роста – первого – у него нет. Задача с одним неизвестным: где найти нужный мундир? И решение было найдено. «На, надень, – сказал старшина, давая ему мундир четвертого роста, – когда найду твой рост, поменяю».

Но ситуация пошла не по плану: на вечернюю проверку пришёл капитан, командир роты, и приказал всем построиться в мундирах. Осматривая выстроенных перед ним в шеренгу солдат, капитан остановил взгляд на левом фланге, точнее, на Романе. То, что перед ним стоял солдат Советской Армии, выдавали только погоны рядового, все остальное походило на огородное чучело. Китель мундира сидел на нём как пальто, рукава которого закатаны до плеч, мотня брюк была ниже колен, и казалось, они вот-вот упадут, а низ брюк был спущен до середины голенища сапог.

«Это что за бандит с большой дороги? – нарушил тишину писклявый голос капитана. – Выйти из строя!». Роман сделал два шага вперёд и развернулся к строю. И тут казарму потряс дружный хохот, смеялись все, даже кровати дрожали. «Старшина, – сказал капитан, – что за спектакль вы устроили, чтоб завтра он был одет с иголочки. Встать в строй!».

На следующий день старшина весь все дневное время посвятил поиску мундира нужного для Романа размера, и когда наконец нашёл, пригласил его для примерки. Убедившись, что мундир сидит на нём как с иглолки, то есть требование капитана исполнено, старшина сказал: «Ещё один такой цирк, и швабра для мытья пола будет твоим главным шанцевым инструментом на весь срок службы, понятно?»

Роман был парень сметливый, и драить казарменный пол от портрета до портрета за год службы ему как-то не довелось.

ДЕЛА КОМАНДИРОВОЧНЫЕ

Решив все вопросы по командировке, Яков Семёнович зашёл к своему шефу, главному энергетiku главка Анатолию Петровичу, чтобы попрощаться. Когда все нужные слова, которые говорят в таком случае обеими сторонами, были уже сказаны, Анатолий Петрович вдруг спросил Якова Семёновича: «Вы уже сколько работаете главным энергетиком завода?» – «Два года, – ответил тот». – «Два года, и до сих пор у нас не прописались. Это непорядок. Нельзя нарушать традиции. Такое упущение надо исправить».

Яков Семёнович немного задумался – надо было вспомнить, что означает «прописаться», он же не собирается жить в Москве, и спросил: «Что это значит – прописаться, и когда это надо сделать?» – «Сделать это можно хоть сейчас, а что это такое – прописаться, узнаешь, когда сядем за стол». – «Да, Анатолий Петрович, у вас на дверях приклеено объявление, что сегодня в 16 часов состоится заседание партбюро, а вы секретарь партбюро», – сказал Яков Семёнович. «Ради такого гостя отменим, не каждый день к нам приезжают аж с Дальнего Востока». – «Хорошо, но что от меня требуется?» – спросил Яков Семёнович. Шеф начал загибать пальцы, прежде чем ответить: «Нас с тобой будет пять человек, значит, надо пять бутылок водки, и соответственно – закуска. Магазин, ты знаешь, через дорогу».

Где-то через минут сорок гость-дальневосточник, в полной экипировке, с портфелем, набитым всем, чтобы выпить и закусить, уже стоял перед столом в красном уголке главка, за которым сидели все четыре человека, жаждущие его прописать. Когда начались тосты, и все –

за здоровье и успехи дорогого гостя, Яков Семёнович понял, что идти в паспортный стол московской милиции за пропиской ему не понадобится.

Застолье ему очень понравилось. Особенно, когда выпить ещё было что, а закуска кончилась, и ему пришлось пустить в расход презент двоюродного брата, врученный когда он был у него в гостях, – две банки печени трески в масле. Как оказалось, эти консервы в Москве можно было достать только по очень большому благу. С пьяных глаз кто-то сказал, что с таким дефицитом может быть только родственник самого министра. И пошло, подобострастие полилось рекой.

Увлёкшись соревнованием в извержении хвалебных од, начальник отдела кадров по фамилии Денежкин даже перестал кипятить водку в стакане миниатюрным нагревателем. Он был ветеран войны, и после ранения в горло врачи прописали ему пить только горячую водку.

Правда, миф о волосатой руке в министерстве в последующих командировках Якову Семёновичу удалось развеять, но практика застолий по случаю приезда дальневосточных гостей стала традицией, особенно если целью визита было решение каких-либо вопросов с главным механиком главка. Зайдя в кабинет и посмотрев в его грустные глаза, полные ожидания, гости без приветствия открывали свои портфели, доставая так потребный ему горячительный напиток. Когда бутылка была наконец на столе, он дрожащими

руками открывал выдвижной ящик стола, доставал дежурный стакан и зализанный и занюханный кусок хлеба, напоминающий камень-гальку. Набулькав в стакан вождественной жидкости, залпом выпив и поднеся камень-гальку к губам, он сразу преображался, в глазах появлялись веселинка и готовность решать все вопросы командировочных.

Когда заканчивалась деловая часть встречи, он быстро доставал бутылку из-под стола, наливал стакан, выпивал залпом, и облегчённо вздохнув, заплетающимся языком говорил: «Хлопцы, проводите меня домой». И хлопцы, взяв его под руки, аккуратно и очень осторожно, как драгоценную вазу, доводили его до квартиры, ставили с упором в дверь и нажимали кнопку звонка. Затем, дождавшись звука открывающегося замка, быстро убегали, веруя, что тело упадёт в родные руки.

СМЕШИНКИ

1. Татьяна Ивановна шла на работу – у неё была вторая пара в педучилище, – и проходя мимо винного ларька, вдруг вспомнила, что через два дня – праздник Первое мая, могут прийти гости, а дома ни капельки спиртного. Муж всё время на работе, на него надежды никакой. Надо купить хотя бы пару бутылок, но как, ведь очередь в ларёк длиннее, чем в Мавзолей.

И тогда она решилась – будь что будет, взяла и крикнула в толпу: «Товарищи, пропустите меня, пожалуйста, без очереди, я на уроки опаздываю!» И вдруг толпа тихо расступилась, позволив ей подойти к прилавку и купить столь необходимое спиртное. Поблагодарив народ, она подумала: какие все молодцы, наверно, ещё в школе усвоили, что надо слушаться учителей.

2. Сёма, двух лет, и Оля, шести лет, первый раз ехали на поезде, с папой и мамой, на курорт. Они сидели у окна вагона, и открыв свои ротки от удивления, безотрывно смотрели, как мимо их взора быстро пролетали столбы, какие-то дома, деревья и всякие цветы – жёлтые, красные, васильковые и синие. Всё было очень интересно, и вдруг Сёма повернулся к маме, сидящей рядом, и на ушко (мальчик был воспитанный) тихо сказал: «Мама, я какать хочу». Мама, взяв его за руку, быстро пошла с ним в туалет. Но там у него не получилось, поскольку у мальчика был стойкий рефлекс: он мог это делать, только сидя на горшочке, который мама забыла взять с собой в дорогу. «Мама, я хочу домой, поверните поезд, я какать хочу», – на весь вагон причитал мальчик, но дядя-машинист, наверно, не слышал, и поезд всё не поворачивал.

3. Новый управляющий строительного треста пришёл посмотреть на строящийся пятиэтажный дом, и здороваясь с первым встреченным рабочим, протягивая руку, сказал: «Ворошилов». Такая была у него фамилия. Рабочий, пожимая его руку, ответил: «Калинин». Новый начальник, шутки ради, сказал: «Надеюсь, не Михаил Иванович?» – «Нет, я Михаил Петрович». – «Ну, слава богу». Тут подошел ещё один рабочий, и начальник, протягивая ему руку, сказал: «Ворошилов». Тот ответил: «Ульянов». – «Ну, вы, ребята, даёте, может, у вас ещё и Троцкий есть?» – опять пошутил начальник, на что Ульянов ответил: «Нет, Троцкого нет, но у нашего прораба фамилия Бронштейн». Так тут целое Политбюро, с кем же работать? – подумал управляющий трестом.

4. На приём к председателю райисполкома пришёл известный в районе пчеловод с просьбой дать ему разрешение на покупку охотничьего ружья. «А что случилось?» – спросил председатель. «Да медведи замучили, ульи разорили, а недавно я пошёл за ягодой голубицей, набрал два ведра, иду домой и вижу – недалеко от меня медведь тоже лакомится ягодой. Я так испугался, что мгновенно залез на ближайшее дерево. Сажу, жду, когда уйдёт, наконец он ушёл, а я с дерева слезть не могу». – «Почему?» – «Руки были заняты». – «Чем?» – спросил председатель. «Так ведрами с ягодой». – «А как ты залез на дерево?» – «Не помню», – ответил пчеловод.

ОЧЕРКИ

О КИТАЕ

Первая моя поездка в Пекин, состоялась в декабре 1990 года. Она же была и первой поездкой за границу. Я тогда входил в состав делегации от области в качестве директора только что созданной мною внешнеторговой ассоциации. Цель поездки была – переговоры с представителями министерства горной промышленности о покупке Китаем железорудного концентрата. Большие промышленные запасы железной руды до этого были разведаны на территории Еврейской автономной области. Поездка для меня оказалось сумбурной, я не мог понять тогда свои задачи, нервничал и не замечал ничего вокруг, может, поэтому в памяти ничего примечательного и не осталось. Забегая вперёд, скажу, что на базе того разведанного месторождения сегодня построен крупный горно-обогачительный комбинат, а его продукция, продаваемая в Китай, – одна из главных статей дохода области.

Я тогда не мог предполагать, что в будущем 80% моей внешнеторговой деятельности будет связано с китайскими фирмами. И первый контракт с одной из таких фирм будет заключён через год после этой поездки. Фирма эта была из города Тунзян – небольшого провинциального городка на севере Китая, расположенного на берегу Амура, напротив российского пограничного перехода Ленинское, районного центра ЕАО. Этот контракт был подписан между нашей ассоциацией и китайской с большой pompой в помещении мэрии, в присутствии телевидения и местной прессы, так как был тоже первым контрактом китайской стороны. Впоследствии

многие коммерческие фирмы этого города станут частыми партнёрами ассоциации ЕВА, как частыми будут и наши поездки туда.

Летом мы приезжали на речных катерах, а зимой – по зимнику, ледовой дороге. Сам город расположен в 25-ти километрах от порта и связан с ним грунтовой дорогой. Эта дорога постоянно ремонтировалась по очень необычной технологии. Когда едешь по ней, всегда видишь такую картину: по обочине сначала лежат груды крупных камней, далее рабочие кувалдами их разбивают, превращая в щебенку, а затем другие рабочие разбрасывают эту щебенку прямо на дорогу, которую уже утаптывают в грунт колеса автомобилей. Дорога очень узкая, и в значительной её части с одной стороны глубокий и крутой обрыв, с другой – отвесная скала. Однажды на таком участке впереди нашей машины вдруг оказался гужевой транспорт – ишак с гружёной телегой, а объехать его – никак. Пришлось тащиться за ним минут двадцать, пока он куда-то не свернул.

Примечательными в этом городе были и гостиницы. Среди дальневосточников, часто посещавших в те годы север Китая (я напоминаю, что речь идёт о 90-х годах), в ходу был такой анекдот. Вопрос: чем отличаются китайские гостиницы от российских? Ответ: в российских гостиницах, когда ложишься спать, раздеваешься, а в китайских – одеваешься. Да, когда ложились спать, надевали спортивный костюм, а на подушку клали взятое из дому полотенце, потому что не были уверены – поменяли постель перед твоим вселением или нет. И веры не прибавляли простыни и наволочки, развешанные для сушки на перилах лестницы пятиэтажной гостиницы. Конечно, традиционно в каждом номере был термос с зелёным чаем, но ни

одна кнопка, которыми были напичканы приборы в спальне или туалете, не работала.

Так как все контракты с китайскими фирмами были бартерными, то реализация их требовала частых взаимных посещений для выбора товаров, проверки качества, решения возникающих проблем. И естественно, что правила вежливости, принятого этикета просто обязывали встречи начинать и завершать посещениями ресторанов. Китайский ресторан, китайская еда, особенно поначалу, были очень непривычны. И не только потому, что есть надо было палочками, но и сама пища (лягушки в кляре, шелкопряды, устрицы, суп из черепахи, рисовая водка и т.п.) вызывала отвращение и брезгливость. Но постепенно мы привыкли к их еде, а китайцы – к нашей. Правда, некоторые их деликатесы вызывали просто тошноту. Так, на зиму они заготавливали куриные яйца, причём хранили их в специально приготовленной глине, и запах таких яиц, когда их освобождали от глины перед едой, был просто фекальный.

Привыкнуть невозможно было и к антисанитарии. В Фудзине, это тоже северный город Китая, наши партнёры пригласили нас в ресторан, который представлял из себя длинный барак со входом в середине и двумя туалетами по флангам. Туалеты были кирпичные, построенные в виде буквы П, без крыши и без дверей – а зачем, если дверной стороной они повёрнуты к стене ресторана. Стол, за которым мы сидели, стоял недалеко от входа, был июль месяц, дунул ветерок, и вся наша компания стала затыкать носы, так как нам показалось, что мы все находимся в туалете.

По роду деятельности я со своей командой, посещая различные города Китая, проехал, наверное, не одну тысячу километров на всех видах транспорта: самолётах,

речных и морских судах, поездах и автомобилях. Особенно запомнились поездки на автомобилях по китайским дорогам. За городом магистральные автотрассы ровные как стрела, по ним не едешь, а летишь, и водитель тебе кажется даже не лётчиком, а космонавтом, но в пределах городской черты дорожное движение напоминало муравейник. Всё, что движется, – сигналиит или кричит, на перекрёстках никаких правил, более того, вся дорога – это длинный перекрёсток, так как люди переходят дорогу в любом месте. На велосипедных дорожках сплошным потоком, колесо к колесу, чудом не сталкиваясь, едут велосипедисты. Но что поражало: как только, стоя на обочине дороги, подымешь руку, через минуту под ней уже стоит жёлтый автомобиль-такси. Однажды нам довелось проехать на УАЗике китайской сборки, я сидел на заднем сиденье, и мне казалось, что пружины этого сиденья были у меня в горле. После такой поездки я не мог ни сидеть, ни ходить.

Китайские поезда тоже заметно отличались от наших. Как я упоминал ранее в одном из рассказов, пассажирский поезд тех лет – это 24 вагона, из них – половина жёстких, один вагон мягкий, остальные плацкартные. Как правило, все вагоны максимально набиты людьми и напоминают мусорные свалки, так как всё ненужное, что скапливается на столах, сметают на пол. Отопление во всех типах вагонов не предусмотрено, а в зимнее время выдаются сентипоновые одеяла. Я однажды зимой ехал в мягком вагоне, и ночью, чтобы не око-леть, лёг спать полностью одетый, это значит – в зимнем пальто, зимней обуви и шапке-ушанке, завязанной на подбородке, и укрылся сентипоновым одеялом. В вагонных туалетах не было унитазов, вместо них – просто отверстие в полу с бордюриками для ног по бокам.

Все объекты социальной инфраструктуры, конечно, несли отпечаток китайской культуры начала девяностых годов. Но бурное строительство, которое началось в те годы на периферии Китая и продолжается до сих пор, заметно меняет облик китайских городов и их инфраструктуру в лучшую сторону.

В Китае, кроме бытовой жизни, было и сейчас есть на что посмотреть: многие его исторические достопримечательности известны во всём мире. Тогда же, когда мы решали свои производственные задачи, просто общаясь с партнёрами по бизнесу, для нас всё было интересно и необычно. В городе Циндао, расположенном на берегу Жёлтого моря, мы с удивлением наблюдали, как жители города собирали дары моря без всяких рыболовных снастей, держа в руках ведро или корзину. Они ходили по дну моря, обнажившемуся при отливе, и собирали всё, что видели: раков, омаров, креветок и т.д., потом шли с этим уловом в прибрежные ресторанчики и там всё сдавали. Я помню, что когда нас привели первый раз в такой ресторанчик, меня, беззгливового человека, до тошноты поразили кучи живых шевелившихся морских гадов на огромных подносах, стоящих на прилавке бара. Потом мы выбирали из этой кучи то, что нам хотелось, и большими деревянными щипцами клали в выданные нам корзиночки. С этой добычей нас рассаживали в ресторанном зале за стол, на котором у каждого было что-то типа кирогаза с кастрюлькой, с уже кипящей водой. А далее – по вкусу сам себе варишь, рака, или омара, или креветки и т.п. Вот такое полное самообслуживание, а если что не так, то, как говорил Райкин, пиши жалобу на себя.

Особой мерой уважения у китайских партнёров считался приём своих гостей в ресторанах с самоваром.

Самовар – это жаровня с горящими углями и кастрюлей с водой, стоящая прямо на столах, у которых воздухо-воды от вытяжных зонтов выходят наружу через оконные форточки. В этой кастрюле могут вариться черепаший суп, различные морепродукты или полоски тонко нарезанного мяса, рыбы и овощей. Во время общения, провозглашения тостов каждый сам что-то варит в этом самоваре. Когда я однажды открыл кастрюлю и увидел там распластанную черепаху, аппетит у меня пропал на весь вечер.

Если продолжать рассказ о китайской кулинарии, то нельзя обойти вниманием известное, а может, просто широко рекламируемое блюдо под названием пекинская утка. Это блинчик, фаршированный утиной и разными приправами. Мы попробовали это блюдо в одном из элитных пекинских ресторанов. А особенность его в том, что фаршируешь этот блинчик, наполняешь его разными приправами сам, прямо за столом, а перед едой официант показывает живую, не ошипанную, кричащую утку, наверное, в доказательство, что мясо действительно утиное.

В поездках китайские партнёры по бизнесу всегда старались чем-то нас удивить, и конечно, не только своеобразной кухней. В Пекине, где я был четыре раза, неизменно поражался Великой китайской стеной – одним из семи чудес света. Это самое длинное строение, созданное руками человека (десять тысяч километров), которое строилось, для защиты от врагов с севера, из подручных материалов – камней, известняка, кирпичей – почти две тысячи лет! Стена проходит по горным хребтам с востока на запад, а в одном из мест – в нескольких километрах от столицы Китая. Великая китайская стена – один из самых посещаемых туристических

объектов Пекина, и нашей делегации тоже была предложена возможность пройтись по этому грандиозному сооружению. Перемещаясь по стене в толпе туристов, практически не замечаешь, что ты поднимаешься круто в гору или опускаешься вниз, тебе кажется, что идёшь по широкой улице, обдуваемый холодными горными ветрами (ширина стены – пять-шесть метров), среди людей, представляющих весь мир.

Не менее я был поражён и восхищён другим монументальным архитектурным ансамблем, известным в мире как императорский дворец. Он считается наиболее крупным дворцовым комплексом в мире, отнесённым ЮНЕСКО к объектам мирового наследия. Возведение его было начато в 1406 и окончено в 1420 году. Этот дворец был резиденцией 24-х китайских императоров. Почти целый день экскурсовод водил нашу делегацию по огромной территории дворца, рассказывая о многочисленных его объектах, демонстрирующих необычайный талант и трудолюбие очень древнего китайского народа. Архитектурная красота дворца не могла оставить равнодушными тех, кому посчастливилось её увидеть. Запомнить назначение комнат, а их во дворце около десяти тысяч, имена императоров, количество их наложниц, и т.п., то есть всё то, о чём говорил наш гид, просто невозможно. Время стёрло из моей памяти многие детали этого архитектурного шедевра, но чувство восхищения от увиденного осталось на всю жизнь.

При посещении дворца у меня произошёл один казус, случившийся на одной из его площадей. Я заслушался гида и увлёкся осмотром окружающего, как вдруг вижу, что встречающие люди, обращаясь ко мне на непонятном языке, показывают улыбаясь, пальцем вниз. Я по-

смотрел туда и увидел что-то ползущее по асфальту, рядом с моими ногами. Присмотрелся – это был медвежонок панда, заводная игрушка, которую я купил для внучки в ларьке у входа во дворец, она могла начать ползать от хлопанья в ладоши. Наверное, кто-то рядом громко чем-то хлопнул, игрушка включилась, вылезла из коробки и чуть не убежала, если бы не добрые люди.

Пекин, конечно, оставил в моей памяти не только радушие и гостеприимство встретивших нас партнёров по бизнесу и увиденные там исторические достопримечательности, но, к сожалению, и особенности погоды, в частности, осени и зимы, – тех месяцев, когда мы там были. Слово мерзопакостная, наверное, очень подходит для её описания. Тёмное небо, серый, покрытый копотью снег, чёрный смог от массы дымящихся труб. Я там впервые увидел на улице людей в защитных масках, предохранявших от загрязнённого воздуха. Глядя на толпы людей, большинство из которых – в масках, на торчащие дымящиеся трубы, на серое небо и грязный снег, действительно начинаешь понимать, что наша планета не такая уж большая, а народу на ней очень много, так много, что погода кажется уже не природным явлением, а творением рук человека, следствием его производственной деятельности.

Каждый большой китайский город, в котором мне довелось побывать, запомнился чем-то особым. И в этом плане самым удивительным и познавательным, поразившим моё воображение, было посещение города Шеньчжень. Этот город сегодня входит в пятёрку городов мира по темпам прироста населения, а почти тридцать лет назад Дэн Сяо Пин его называл островком капитализма в Китае. Город расположен на юге Китая, в дельте Жемчужной

реки, на границе с Гонконгом. Я в составе делегации посетил этот уникальный город не по делам бизнеса. Эта поездка была подарком от очень крупного китайского бизнесмена, после успешного завершения эффективных переговоров, всем его участникам. Оплата дороги, проживания, гида, другие расходы – всё было за его счет. Хочу напомнить, 1992 год – это время начала перехода России на рыночную экономику и первых внешнеторговых контрактов для нашей ассоциации.

Город Шеньчжень был специальной экономической зоной – СЭЗ, а Еврейская автономная область, по решению правительства, тоже была СЭЗ, поэтому было крайне интересно увидеть плоды её работы в Поднебесной. А они оказались очень впечатляющими. Трудно было поверить, что этот современный город с высотной архитектурой, улицами, утопающими в зелени, с мощной промышленностью и с полуторамилионным населением, резкий рывок в развитии получил благодаря огромным стимулирующим условиям, заложенным в СЭЗ, для привлечения внешних и внутренних инвесторов. Главным стимулом для желающих вложить свои капиталы в создание новых производств было освобождение от налогов в течение пяти лет, что позволяло вкладывать прибыль в развитие своих производств и в объекты социальной инфраструктуры города, по договорённости с местной властью. В глазах рябило от чтения вывесок мировых промышленных гигантов (Шарп, Хитячи, Форд, Самсунг и т.п.), когда мы проезжали мимо их производственных зданий в промышленной зоне города. Жилые кварталы, рестораны, театры и стадионы, аэропорт, дороги тоже построены на деньги инвесторов.

Реализация льгот, заложенных в Положении о специальной экономической зоне, превратила сегодня

Шеньчжень за короткий период в динамично развивающийся крупный промышленный, финансовый и транспортный центр Китая.

Шеньчжень также один из самых известных туристических объектов страны. Ежедневно тысячи туристов посещают самый большой музей в мире под открытым небом – «Великолепный Китай». Организатор поездки любезно предоставил нам возможность целый день обозревать самые известные исторические достопримечательности Китая, очень искусно сделанные в масштабе 1:15 и расположенные на территории в триста тысяч квадратных метров. Здесь мы увидели часть Китайской стены, весь императорский дворец, Храм Неба, гигантскую статую Будды, пагоды. Всего около ста достопримечательностей можно было посмотреть в одном месте, не объезжая Китай.

Очень любопытно было увидеть народные праздники, как сотни людей танцуют и веселятся (это очень искусно вылепленные из глины и покрашенные фигурки), познакомиться с национальными особенностями множества народов, живущих в Поднебесной, их бытом, одеждой, домашним убранством, самими жилищами (дома, сделанные из бамбука, целая улица домов в пещерах, яранги и т.п.).

Я же испытал самое большое удовольствие от того, что смог своими глазами увидеть, о чём много слышал и читал, – терракотовую армию, отнесённую ЮНЕСКО к объектам мирового наследия. Её воины, а их откопано около десяти тысяч (!), – это искусно вылепленные из терракотовой глины солдаты, захороненные со своим правителем, первым императором Китая Цин Ши Хуанди. Воины, оружие, лошади, колесницы – всё изготов-

лено в натуральную величину, более того, все лица солдат разные, при внимательном осмотре можно отличить их и по воинскому званию, и даже по национальности. Здесь можно увидеть и того крестьянина, который, копая колодец, выкопал первого воина.

Бывая в разных городах Китая, нельзя было не обратить внимания на бурное строительство промышленных объектов, жилищных кварталов, офисов, новых зданий аэропортов, железнодорожных вокзалов и дорог. Поэтому не случайно за тридцать лет, прошедших с тех пор, произошёл такой мощный скачок в развитии страны. Китай сегодня – первая мировая индустриальная держава по объёмам промышленного производства, в целом его экономика – вторая в мире по ВВП. В Китае есть своя силиконовая долина, он лидирует в мире по использованию мобильной связи, а средняя скорость его пассажирских поездов – более трехсот километров в час. Сегодня Китай – образец эффективной экономической, финансовой и социальной политики, превратившей его за очень короткое время из отсталой развивающейся страны в современное цивилизованное государство.

Фотоальбом «Поездка в Китай»

Биробиджан подписание контракта

Город Далян. 1993

Музей в городе Шеньчжень

Народные гуляния в Шеньчжэне

*Делегация из ЕАО
в Шеньчжэне*

*Пекин.
Вход в Императорский
дворец*

*Императорский
дворец. 1993 г.*

*Встреча с партнером
по бизнесу в Харбине.
1992 г.*

*Харбин. Мы с Димой
Гонорецким. 1992 г.*

Шеньчжэнь. Терракотовая армия

О ЯПОНИИ

(Краткая зарисовка)

Прошло почти тридцать лет с моего первого посещения прекрасного государства под названием Япония. А был я в этой сказочной стране всего два раза, и это было связано с моей внешнеторговой деятельностью начала 90-х годов. С тех пор мне довелось быть, и по работе, и просто как туристу, во многих странах, на разных континентах, но самые приятные воспоминания в памяти остались именно об этой стране. Мне, вчерашнему советскому человеку, который к тому времени нигде ещё не был за границей, всё увиденное там казалось чудом и совершенно несовместимым с моим привычным представлением об образе жизни людей.

Имидж Японии тогда был очень высоким: как говорили, это была страна 21-го века. Целью двух поездок был отбор товаров, поставляемых японскими партнёрами по бартерным контрактам. Но я не буду останавливаться на деталях рабочей поездки, связанных с контрактами, а постараюсь рассказать о японских традициях, особенностях японской культуры.

С первых же шагов по этой стране меня поражало буквально всё: скоростные поезда с мягкими, в белых чехлах, креслами; носильщики багажа, заносившие твои чемоданы прямо в вагоны; обозначенные на платформах места остановки вагонов, позволяющие пассажирам, ожидающим поезда, заранее знать, где остановится их вагон. Водители такси в тёмно-синих костюмах и белых перчатках — эталон вежливости, — не берущие чаевых. В гостиницах — идеальная чистота в номерах с обязательным хождением в тапочках, надеваемых на входе

в номер и вообще в любое жилое помещение. Специальные тапочки нужно надевать при входе в туалет. Меня особенно поразил запах земляники или апельсинов в гостиничных туалетах и идеальная чистота, — было с чем сравнивать, вспоминая российские нужники...

Япония — страна с самой высокой в мире средней продолжительностью жизни, причем не только потому, что в рационе питания у них много морепродуктов, но, наверное, из-за здорового образа жизни и соблюдения санитарных норм при общении. Вот один пример на эту тему. Я со своей группой зашёл в какой-то магазин что-то купить, но продавец, отказываясь нас обслуживать и показывая пальцем на меня, сказал переводчику, чтобы я надел маску или вышел из магазина. Я спросил у переводчика, почему я должен выйти. Он мне объяснил: «У вас на губе герпес, а это признак простуды, и чтобы не заражать других, вы должны быть в маске или выйти из магазина». Когда я вышел, то увидел, что половина людей, идущих по улице, были в масках. Тогда был январь, самое гриппозное время.

Оказывается, в японской традиции — при заразных заболеваниях беречь не только себя, но и других, поэтому японцы не здороваются рукопожатием, не обнимаются и не целуются при встречах, а взаимное приветствие ограничивается уважительным поклоном. А там, где скапливается много народу, не прижимаются друг к другу, стараясь держать дистанцию.

Соблюдение чистоты дома, в общественных помещениях, на улице — это всё проявления японской культуры. Меня особенно поразила идеальная чистота на улицах, там не увидишь ни бумажки, ни окурка, а территории при магазинах, вечерами после их закрытия, даже моют специальными шампунями.

Забота о людях, об их здоровье там не просто слова. И убеждают в этом не только специальные дорожки для слепых на тротуарах (они ногами чувствуют её особую шероховатость, что позволяет ходить без поводыря), или опускающиеся до земли дверные площадки автобусов, сделанные так специально для инвалидов на колясках. Но и весь ассортимент бытовых товаров, выпускаемых фирмой «Шарп», с которым мы (наша группа) познакомились во время переговоров с представителями этой фирмы. А это холодильники, мини-пекарни, электрические сковородки, стиральные машины, пылесосы, телевизоры и т.п. Наши партнёры по контракту любезно показали нам в музее фирмы все бытовые изделия, выпускаемые сейчас, и те, которые будут выпускаться в будущем.

Особенно поразило меня, заводчанина, посещение завода по производству холодильников, которое уже тогда было максимально роботизированным. Когда я увидел на входе в какой-то цех доску показателей с фамилиями лучших рационализаторов, я спросил: «У вас тоже есть соревнование?». – «Нет, – ответили мне, – соревнования нет, а есть меры по укреплению стабильности коллектива, стимулирования хорошей работы, организации коллективного отдыха, и т.д.». Я, зашоренный опытом социалистического производства, был, конечно, удивлён увиденным и услышанным.

Очень бросалось в глаза особое отношение к экологии. Япония – страна, обиженная природой. Отсутствие полезных ископаемых, регулярные землетрясения и тайфуны, всё это держит страну в постоянном напряжении и вынуждает принимать превентивные меры, обеспечивающие сохранение природного баланса. Например, болота в Японии не осушают, чтобы не нарушить

этот баланс, а делают из них туристический объект. Гид водит туристов по болотным тропинкам, рассказывая о цветочках, птичках и лягушках. Множество предприятий по переработке мусора, утилизации старых автомобилей, пластмассы – это показатель их отношения к охране окружающей среды.

Нельзя было, например, не удивиться конечной продукции завода по утилизации старых автомобилей. Если говорить просто, у входа на завод был искорёженный автомобиль, а на выходе – разные порошки: из алюминия, меди, пластмассы и т.п. Правда, у японцев не было тогда технологии по утилизации старых автомобильных шин, но и тут они нашли выход, который оказался очень прибыльным для русских предпринимателей. Для того, чтобы вывезти из страны старые покрышки, желающим забрать эти шины нанимали судно, грузили весь этот «хлам», оплачивали фрахт. А русские этот подарок потом у себя на родине размещали на шиноремонтных заводах и получали баснословные прибыли.

Советский Союз (а ноябрь 1991 года, когда мы были в Японии, был последним месяцем его существования) являлся протоптанным рынком и для других японских товаров с очень ограниченным спросом у себя в стране. Японцы, по гигиеническим соображениям, не носят одежду из синтетических тканей, предпочитая хлопчатобумажные. При этом, реагируя на спрос, они довольно много производили товаров из синтетики, так как это было главным предметом их экспорта в СССР. Начиная с 70-х годов, советские люди были счастливы, если могли приобрести дефицитные яркие мужские рубашки, плащи, куртки-«алюски».

Кстати, по нашему бартерному контракту мы должны были получить от фирмы «Шарп», кроме японской электроники, различной бытовой техники, — и «аляски» в том числе, которые пользовались у нас большим спросом.

За время пребывания в Японии я со своей командой побывал в четырех городах: это Токио, Осака, Ниагата и старая японская столица Киото. И везде наши партнёры по бизнесу любезно показывали нам много очень интересных исторических достопримечательностей. Но за тридцать лет, прошедших со времени моего пребывания там, конечно, многое забылось, а в памяти сохранились наиболее яркие общие впечатления. Меня, тогда советского человека, больше интересовала, и может, поэтому и больше запомнилась социальная сторона жизни японского народа. Поэтому в короткой зарисовке я всё это и постарался, как мог, отразить.

Фотоальбом «Поездка в Японию»

Токио переговоры с фирмой SHARP

В токийском кафе

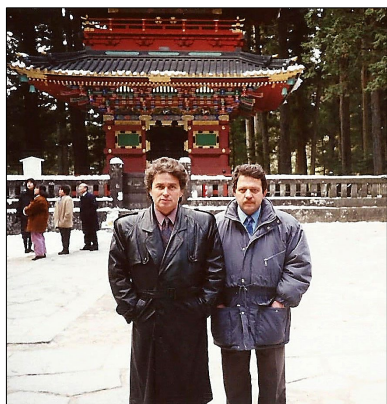
В японском парке

В вагоне японского поезда

У Императорского дворца в г. Киото

*Киото. На площади перед
Императорским дворцом*

В токийском парке на фоне фонтана

В г. Киото – старой столице Японии

На переговорах с фирмой HITACHI

На презентации товаров в г. Осака

В Токио, на ул. Гинза

С деловыми партнерами в часы досуга...

БИРОБИДЖАН – ДАЛЬНИЙ и БЛИЖНИЙ

Многие, узнав, что я из Биробиджана, спрашивают меня: а сколько там евреев? Я отвечаю: сейчас на одного меньше. А когда такой вопрос задают мэру Биробиджана, он отвечает: на сегодня 1651 человек. Такая точность не случайна – евреи всегда в цене, поэтому каждый еврей на счету. Когда приоткрылся железный занавес, многие, тогда ещё в СССР, приняли решение уехать в другие страны: США, Канаду, Германию. И евреи не были исключением. Как известно, им хорошо в дороге, и биробиджанцы это подтверждают. Они в дороге почти две тысячи лет, с тех пор, как их далёкие предки пришли в Европу (в Россию, Украину, Белоруссию), потом – в Биробиджан. А теперь дети и внуки первых биробиджанских строителей едут назад, домой, на свою историческую родину – в Израиль.

Вообще-то соответствующая графа паспорта любого еврея говорила о его «инвалидности» в среде не евреев, а эта же графа в паспорте биробиджанца указывала на его «инвалидность» даже среди евреев, но не биробиджанцев. Вот такой они особый народ. И особенность их – в мощной жизнестойкости, передавшейся от родителей, дедушек и бабушек, первых строителей города, которые в поисках счастья поехали на Дальний Восток. Они смогли не только выжить в условиях дикой, суровой дальневосточной природы, но и построить прекрасный современный город Биробиджан, областной центр Еврейской автономной области.

Такая жизненная закалка и стала главной основой довольно успешной абсорбции большинства моих земляков в новой для них стране – Израиле. Успешной, но, конечно, не сразу, ведь, чтобы состояться, каждому пришлось

съесть свою приличную порцию дерьма. Репатриация же семьи и большей части моей команды состоялась в июне-августе 1994 года, и с тех пор мы живём в городе Нацрат-Илит – сейчас он называется Ноф-а-Галиль.

Первое же моё знакомство с Израилем было в июле 1991 года, когда я был в составе делегации от ЕАО, возглавляемой главой области Борисом Леонидовичем Корсунским. Эта поездка финансировалась внешнеторговой ассоциацией ЕВА, а я был тогда генеральным директором этой фирмы. Цель поездки – установление торговых отношений с Израилем. Приём делегации был организован главой представительства Торговой палаты тогда ещё союзного государства – Юрием Васильевичем Охрименко.

Делегаты из ЕАО в Израиле. Июль 1991г.

Я с восторгом вспоминаю эти десять дней, проведенные в Израиле. Деловые встречи, посещение промышленных и сельскохозяйственных предприятий, туристические поездки по стране, встречи с земляками и родственниками, которые там уже жили с 1989–1990 годов, и особая теплота официального приёма создали у меня самое позитивное и благоприятное впечатление об Израиле, о его людях, о высочайшем уровне промышленного, сельскохозяйственного, научного и оборонного его потенциала. Такое пафосное впечатление от посещения Израиля было и у всех членов делегации, а входили в неё руководители предприятий, представители областной администрации, и по приезду домой это явно проявлялось в данных ими многочисленных интервью.

А теперь о том, как проходила наша семейная абсорбция в первые годы жизни на исторической родине. Когда я с семьей (жена, двое детей и внучка) прибыл в Израиль уже в качестве его гражданина, у меня был довольно зрелый возраст – 55 лет – и солидный жизненный багаж. Генеральный директор внешнеторговой ассоциации ЕВА, в то время известной на Дальнем Востоке фирмы-спецэкспортера, – такова была последняя моя биробиджанская должность. Предшествующий жизненный опыт, высокие должности – всё это придавало большую уверенность в правильности моих решений по обустройству жизни в новой стране.

Но, увы, как потом оказалось, это была не уверенность, а самоуверенность, иногда просто граничащая с глупостью. Поэтому говорить в восторженных тонах о своем «бизнесе» в первые годы жизни в Израиле нет повода, и обвинять кого-то – тоже. А вот личным опытом, как не надо заниматься бизнесом в новом государстве, могу поделиться.

Сейчас, по прошествии многих лет, мне совершенно ясно (а кому-то такое просветление пришло раньше, но лучше поздно, чем никогда), что без знания языка не может быть никакого бизнеса, это – что слепому работать кузнецом. Без знаний законов государства, без наработанных связей, без надёжных, проверенных партнёров очень наивно рассчитывать на успех в предпринимательской деятельности. Я рассказываю о вещах, которые в первые годы жизни в новой стране, естественно, трудно приобрести. В то же время новоприбывшие, доверчивые, люди сразу попадают в поле зрения ушлых мошенников, для которых обмануть и обобрать ближнего и дальнего – дело доблести и геройства.

Слава Богу, после нескольких неудачных попыток реализации своих проектов, немалых материальных потерь и разочарований в партнёрах, использовавших меня как наивного доверчивого лоха, по настоятельной просьбе жены я, может, с некоторым опозданием, всё же прекратил все свои предпринимательские потуги.

Немного о моей семье

Как и у большинства репатриантов 90-х годов, жизнь моей семьи в новой стране прошла разные этапы. Дети начали с кибуца «Ягур», где они довольно быстро освоили язык, и имея, как оказалось, неплохое, полученное в Союзе высшее образование, нашли работу, близкую к специальности. Сын Евгений, инженер-механик, пройдя жёсткий отбор, был принят оператором на «Интел» – очень престижное предприятие в стране. Дочь Светлана, экономист по образованию, начала свою трудовую деятельность руководителем отдела в магазине

известной торговой сети. Жена Тамара, закончив университет и несколько курсов по изучению иврита, своей целью поставила совершенствование и углубление в знании этого языка, и в результате стала преподавать иврит в кружках по его изучению для пожилых людей.

Моя жена – Тамара

Тамара с землячкой Таней

Мои дети – Света и Женя

Жена и дочь сына: Лена и Света

Света с мужем Владиславом и сыном Леоном, а я – с сестрой Октябриной

Мы с Тамарой на отдыхе в Словакии

Наши с сестрой Октябрьиной семьи

Я же, закрыв все свои неудачные бизнес-проекты, постепенно втянулся в общественную деятельность, сначала как активист, потом член правления, а затем как руководитель городского землячества «Россия». И хотя я давал себе зарок не заниматься политикой в новой стране, незаметно для себя втянулся и в городскую политическую жизнь, став автором ряда статей в региональной газете на злободневные городские темы. Город Ноф-а-Галиль в Израиле называют русским, потому что половина его горожан – выходцы из стран СНГ, и более двух тысяч из них – мои земляки.

Биробиджанцев в нашем городе можно встретить всюду – в городском правлении, в школах, магазинах, на заводах и фабриках. Народ мы дружный, знаем друг друга по прошлой и настоящей жизни. Память о временах, когда учились в одной школе, работали на одном заводе, жили по соседству, – вот основа постоянного интереса друг к другу, желания общаться и вспоминать, вспоминать, вспоминать. Именно это стало поводом для проведения первой израильской встречи выходцев из Биробиджана в 2004 году, которую приурочили к 70-й годовщине образования Еврейской автономной области. Высказанная мною идея о проведении такой встречи была поддержана правлением городского землячества «Россия» и тогдашним мэром города Менахемом Ариавом.

А далее предстояла большая организаторская работа по приглашению на встречу земляков, живущих в разных городах Израиля, гостей из Биробиджана, из российского дипломатического корпуса, артистов и певцов, участников культурной программы, подготовки городского парка, где проходила сама встреча, и т.п.

Л.Б. Шапиро в Нацрат-Илите на встрече с земляками

Была создана инициативная группа, куда входили биробиджанцы — руководители российских землячеств многих городов Израиля.

Удивительно, но мои земляки в новой стране оказались активными общественниками. Благодаря им, а также наличию телефонного справочника живущих в Израиле биробиджанцев, изданного нашей землячкой, бывшей журналисткой Майей Котлерман, и передаче по радио РЭКА, информация о предстоящей встрече прошла по всей стране. В результате более тысячи бывших жителей Биробиджана собрались в городском парке, чтобы увидеться со своими друзьями, сослуживцами, одноклассниками, соседями, рассказать о своей жизни в новой стране, вспомнить о городе их молодости, той малой родине, где прошла большая часть их жизни.

Что может быть приятней общения после долгой разлуки с дорогими своему сердцу людьми. Объятия, смех,

слёзы радости и бесконечные воспоминания – вот что объединяло группы бывших работников завода «Дальсельмаш», чулочной, швейной и других фабрик. Люди группировались по производственному признаку. Выступившие в официальной части встречи мэры городов Нацрат-Илит и Биробиджана – господа Менахем Ариав и Александр Винников (приехал по приглашению организаторов встречи) – поздравили всех с юбилеем города Биробиджана, пожелали ему и городу Нацрат-Илит дальнейшего развития и процветания, а всем их бывшим и настоящим жителям – здоровья и благополучия, подчеркнув, что такие встречи – это пример народной дипломатии, укрепляющий и развивающий всестороннее сотрудничество между нашими странами.

Аплодисментами были встречены выступления генерального консула Российской Федерации в городе Хайфа господина Игоря Витальевича Попова и руководителя Российского культурного центра в Израиле Александра Александровича Крюкова. И, конечно, большой и приятной неожиданностью было выступление Льва Борисовича Шапиро, многие годы руководившего Еврейской автономной областью, в то время находившегося в Израиле и любезно откликнувшегося на приглашение на наш биробиджанский форум.

О том, что первая израильская встреча биробиджанцев прошла успешно, свидетельствовали многочисленные положительные отклики её участников и пожелания проводить такие теплые и трогательные мероприятия почаще. Впоследствии так сложилось, что наш город стал центром притяжения моих земляков, а встречи выходцев из Биробиджана, посвящённые, как правило, различным юбилейным датам, стали традиционными.

Особенно была приятна израильтянам возможность общения с делегациями из Биробиджана, где они получали информацию о жизни своих родственников, друзей, сослуживцев, о том, каким стал их родной город.

Приём таких гостей, организованный руководством нашего города, включал не только обмен опытом ведения городского хозяйства, туристические поездки, но и посещение различных промышленных предприятий, объектов социальной инфраструктуры города. Участниками культурных программ таких встреч тоже были гости из Биробиджана. Очень понравился всем биробиджанский детский ансамбль «Надежда», вокальная группа. Получилось, что такие встречи создали возможность для личного знакомства мэров двух городов двух стран – Израиля и России – и, впоследствии, их активного делового сотрудничества.

Уже много лет не прекращаются рабочие связи администраций этих городов, стало традицией взаимные поздравления с памяtnыми датами и приглашения делегаций для участия в юбилейных торжествах. В 2012 году делегация Нацрат-Илит во главе с тогдашним мэром Шимоном Гафсу посетила Биробиджан для участия в праздновании 80-летия города. Мне с женой посчастливилось быть членом этой делегации и посетить свой город через восемнадцать лет после отъезда. Конечно, было очень волнующе после столь долгой разлуки встречаться со своими родственниками, друзьями и сослуживцами, увидеть обновленный, во многом даже неузнаваемый город.

Не могу не рассказать и о моей, с супругой, второй поездке в свой родной город в 2017 году, по персональному приглашению мэра Биробиджана, для участия в

торжествах, посвящённых 85-летию города. В этой поездке с нами были ещё Давид Вайсерман, руководитель российского землячества Беэр-Шевы, и Константин Развозов, депутат Кнессета. На этот раз у меня была особая миссия: мэр нашего города, Ронен Плот, доверил мне от его имени и в соответствии с договорённостью с мэром Биробиджана подписать протокол намерений о заключении договора побратимских отношений между городами Нацрат-Илит и Биробиджаном. Что и было мной сделано в официальной и торжественной обстановке.

новке. (Сам договор о побратимстве был подписан мэрами городов в марте 2018 года, в Израиле, в городе Нацрат-Илит.)

По плану участия нашей делегации в юбилейных торжествах, мы присутствовали на открытии памятной доски Борису Леонидовичу Корсунскому, на доме, где он жил, – бывшему руководителю области, под началом которого я трудился многие годы. Мы также были на городском торжественном собрании, посвящённом

юбилею города, завершённом прекрасным концертом, и на других праздничных мероприятиях. Трогательными, конечно, были и многочисленные встречи с родственниками, друзьями и сослуживцами. Эта поездка оставила у меня и у Тамары самые приятные воспоминания – о теплоте приёма, созданного мэром города Евгением Владимировичем Коростылёвым, о встречах с нашими друзьями Натальей Машковой, Светланой Бунаковой, нашими родственниками.

Контакты между городами не ограничивались только обменями делегаций на торжествах по юбилейным датам. Биробиджанцам нашего города памятни были выступление на сцене городского Дома культуры замечательного скрипичного ансамбля Семёна Гройсмана, приехавшего к нам по приглашению администрации города для участия в международном фестивале еврейской культуры, а также выступление вокальной группы биробиджанского композитора и певца Наума Ливанта.

Но в общении моих земляков были не только праздничные встречи. Случилась беда – небывалое наводнение осенью 2013 года, принесшее огромные потери большинству жителей Еврейской автономной области: люди лишились своих домов, имущества, урожая, выращенного в огородах. Тогда израильтяне, бывшие жители области, не остались равнодушными к этому несчастью. Землячество «Россия» города Нацрат-Илит решило обратиться, прежде всего, к биробиджанцам с призывом выделить пожертвования для оказания помощи пострадавшим от наводнения своим дальневосточным землякам. Это обращение было доведено и до других городов Израиля. В результате было собрано около семи тысяч долларов. Это были пожертвования биробиджанцев, и не только, – из городов Нацрат-Илит, Беэр-Шева, Кармиэль, Офаким и Димона. И все эти

деньги были перечислены на счёт интерната для детей-инвалидов села Ленинское. В благодарственном письме директора этого интерната Анны Беловой было уведомлено, что на эти средства была куплена зимняя одежда для всех детей интерната. Так что пожертвования дошли до истинно пострадавших и не потерялись в различных фондах.

Когда мы жили в СССР, в стране скрытого государственного и открытого бытового антисемитизма, одним из «грехов», приписываемых евреям, было то, что евреи очень дружный народ. Юдофобы говорили – возьмешь еврея на работу, он тут же потянет за собой своих. Какая-то доля правды в этом была. Евреи тянулись к друг к другу. Поэтому мне трудно было понять и принять как данность характер взаимоотношений между людьми в Израиле. Назвать эти взаимоотношения дружелюбными будет большой натяжкой. Я, например, конечно шутя, называю Израиль страной евреев разных национальностей. И здесь нет преувеличения: наше государство действительно собрало евреев из многих стан мира, и все они привезли с собой культуру стран исхода.

Вот такой получился конгломерат культур. Попытка нивелировать этот разброс культур, создать, как говорят, плавильный котёл, не имела успеха. А на деле получилось, что репатрианты из бывшего Союза – русские, из Марокко – марокканцы, и т.д. Это многообразие культур, традиций, конечно, умножило экономический, научный и культурный потенциал нашей страны, но это и один из источников противоречий, взаимной нетерпимости израильтян, а если к этому добавить деление на светских и верующих, сефардов и ашкеназов, старожилы и новых репатриантов, плюс разнообразие политических пристрастий, вот и получается чуть ли не гражданская война. Какая тут дружба? К сожалению, в

стране есть немало публичных деятелей, использующих эти, можно сказать, естественные противоречия в своей политической борьбе, создавая из себя, например, образ борца с верующими людьми или, наоборот, со светскими, за русскоязычных или против них... Это, на мой взгляд, глубоко аморально, цинично и даже преступно, так как ещё больше раздувает вражду между людьми. А ведь наше единство, сплочённость и, если хотите, толерантность, – основа безопасности государства.

Возвращаясь к характеристике биробиджанцев, в свете сказанного можно утверждать, что евреи – всё же дружный народ, даже в Израиле. Чувство коллективизма, искренний интерес к судьбам своих земляков, постоянное стремление к общению – это, наверное, то, что передалось им от их предков, основателей города. Без надёжной опоры друг на друга, взаимопомощи, терпения, согласия и веры в достижение цели они не смогли бы в условиях сурового климата, в дикой тайге, на болоте построить но-

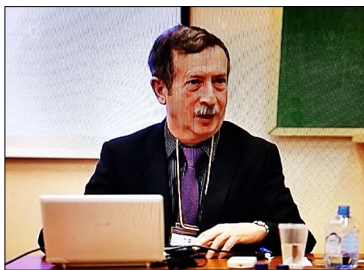

вый город. Судьба же их детей, внуков и правнуков на своей исторической родине, в Израиле, конечно, сложилась по-разному, но дальневосточная жизненная закалка всегда сопутствовала им в преодолении возникавших трудностей и успешной адаптации, и сегодня успехами многих из них даже можно гордиться.

Уже третью каденцию депутатом Кнессета является наш земляк **Константин Развозов**. Его фамилия широко известна в стране благодаря активной

общественной деятельности. В том числе, ему обязаны пострадавшие в Катастрофе, поскольку был принят закон об их материальной поддержке. А как человек порядочный, добрый и отзывчивый, он, особенно для земляков, стал реальным адресом, по которому можно обращаться тем, кому необходима помощь. В 2015 году мне пришлось работать руководителем штаба его партии в нашем городе во время выборов в Кнессет. И я, конечно рад, что Костя тогда стал депутатом, ведь он для нас не чужой человек. Он из известной и уважаемой в Биробиджане семьи: мама его преподавала математику в школе, где учились мои дети, отец долгие годы руководил городским спорткомитетом, а с его дедушкой я много лет проработал на одном заводе.

Не менее известен в стране другой наш земляк, общественный и политический деятель *Шломо Нееман*, с 2017 года – руководитель регионального совета Гущ-Эцион. Сразу оговорюсь – я с ним лично не знаком, но хорошо знал уважаемых мною сослуживцев: Михаила Исааковича Ревича, его дедушку, и его отца – Наума. Они работали в энергослужбе завода «Дальсельмаш» в те годы, когда я был её руководителем, и они по праву могут гордиться своим замечательным сыном и внуком. К сожалению, его дедушки уже нет в живых, светлая ему память. Он был умный, добрый, интеллигентный человек, ветеран войны. Я

Владимир Месомед

его регулярно поздравлял с днём Победы, и был очень расстроен, когда однажды на мой звонок получил ответ, что Михаила Исааковича уже нет с нами.

Немало моих земляков в нашей стране получили широкую известность также

благодаря своим научным достижениям. По 9-му телеканалу часто дает свои комментарии по ситуации в Иране специалист по этой стране, доктор, профессор **Владимир Месомед**. Он биробиджанец, и один из тех, кто не теряет связи со своей малой родиной. Владимир не пропустил ни одной встречи биробиджанцев, проходивших в моем городе Ноф-а-Галиль.

В научном мире широко известно и другое имя нашего земляка, моего бывшего соседа по дому в Биробиджане, доктора философии, профессора **Бориса Котлермана**, выпускника и медалиста школы № 1, окончившего МГУ. Он из замечательной семьи: мама, Майя Котлерман, — известная журналистка, корреспондент газеты «Биробиджанская Звезда», это она издала телефонный справочник биробиджанцев, живущих в Израиле; отец — Михаил Котлерман — талантливый инженер, я с ним проработал на одном заводе много лет, а его бабушка — Зинаида Моисеевна Рудяк — моя коллега по профессии, была много лет начальником городского энергосбыта (я с ней встречался по работе, когда был главным энергетиком завода «Дальсельмаш»). Она была грамотным и требовательным специалистом, и ей, в том числе, город обязан надежностью электроснабжения.

Нашим земляком является и учёный с мировым именем, профессор **Михаил Рицнер**, врач-психиатр, международный эксперт, руководитель отделения Центра психического здоровья «Шаар Менаше». Он много лет очень успешно занимается лечением больных с психическими

заболеваниями. Его жизнь тесно связана с Биробиджаном, там он получил первое своё медицинское образование в медучилище, работал главврачом психоневрологической больницы, а его сестра – главврачом детской больницы. Вот такая это трудовая медицинская семья.

Из биробиджанской медицинской династии и другой известный в Израиле врач – гинеколог **Игорь Гершман**. Его отец, **Роман Гершман**, – тоже врач-гине-

колог, это ему многие биробиджанцы обязаны помощью в своём появлении на свет, врачом была и его мать Людмила. Так сложилось, что моя жизнь в Биробиджане немного пересекалась с Людмилой Эрлих (это девичья фамилия мамы Игоря). В конце 40-х и в начале 50-х годов она жила в том же доме, где и моя бабушка, к которой я приезжал на школьные каникулы из Белогорска, где жил с мамой. Так что с Людой я знаком с детства. А мой двоюродный брат Михаил был одноклассником Романа. Это их класс прославился в Биробиджане тем, что после окончания школы в 1957 году весь дружно поехал на целину (в Бобстовский совхоз).

Пусть простит меня читатель за, может быть, излишние подробности в рассказах о моих замечательных земляках, но этим я хочу подчеркнуть, что город наш небольшой, практически мы все знаем друг друга и можем про себя сказать: мы, биробиджанцы, большая и дружная семья, мы не потеряли интереса к своим землякам. Я думаю, что это нормально – помнить свои корни, помнить людей, которые были рядом с тобой в разные годы жизни, радоваться и гордиться их успехами.

Подтверждает сказанное и портрет другого замечательного земляка – **Давида Вайсермана**, бывшего заместителя мэра Биробиджана. По образованию историк, он стал автором нескольких книг о судьбах биробиджанцев в суровые сталинские времена. А сегодня он – житель города Беэр-Шева и известный общественник, заместитель руководителя Координационного совета соотечественников на юге страны, мой друг и соратник по организации встреч наших земляков, проходящих в Ноф-а-Галиль.

Московский журналист Леонид Млечин и Давид Вайсерман

Как человек далеко не равнодушный, энергичный и очень деятельный, он всегда готов подключиться к любому мероприятию, касающемуся своих земляков, будь то проведение юбилейных торжеств, сбор пожертвований для пострадавших от наводнения в Еврейской автономной области или активной поддержки земляка – депутата Кнессета. Человек он позитивный и приятный в общении. Я с большой теплотой вспоминаю нашу совместную поездку, по персональному приглашению мэра Биробиджана, на торжества, посвященные 80-летию города.

Большой и заслуженной популярностью среди бывших жителей областного центра ЕАО пользуется руководитель амуты «Биробиджан» в городе Беэр-Шева – *Владимир Давидович Ротенштейн*. Его хорошо знают, по прошлой жизни, как руководителя областного Комитета телевидения и радио, а сейчас еще и как активного общественного деятеля среди своих земляков, несмотря на приличный возраст. Мы часто общаемся с ним по телефону, делимся информацией о событиях, происходящих в нашей биробиджанской общине.

Говоря об общественной активности своих земляков, не могу не назвать имя Илюши Пивня (так ласково называли его друзья), светлая ему память. Бывший директор банка, он многие годы в Нетании руководил российским землячеством, учил репатриантов пользоваться компьютером. Умный, добрый и отзывчивый человек. Все, кто его знал и общался с ним, уважали и любили его. Несмотря на тяжёлую болезнь, он очень хорошо помогал оргкомитету в проведении встреч биробиджанцев. Ранняя смерть Пивня – огромная трагедия для его семьи и для тех, кто его знал и любил.

Большой, невосполнимой потерей для всех нас, биробиджанцев, был ранний уход и другого очень известного и уважаемого земляка – депутата Верховного Совета СССР, поэта, бывшего главного редактора газеты «Биробиджанер Штерн» **Леонида Борисовича Школьника**. Его имя было хорошо знакомо многим русскоязычным израильтянам – и как редактора «Еврейского камертона», приложения к газете «Новости недели», и как главного редактора интернет-газеты «Мы здесь». С Леонидом я довольно тесно общался в прошлой жизни – когда вместе работали в обкоме, когда он редактировал нашу еврейскую газету, во время выборной кампании в Верховный Совет СССР, во время встреч с ним в Москве, где он жил и работал, будучи депутатом.

Не прервалось общение и после нашей репатриации в Израиль. Его всегда интересовали судьбы биробиджанцев, события, происходящие там, на малой ро-

Леонид Школьник в редакции газ. «Биробиджанер Штерн». 1990 г.

дине, и здесь, в Израиле. Жизнь своих земляков он часто отражал в редактируемых им изданиях. Последний телефонный разговор с ним был более года назад: я предлагал ему быть редактором моей первой книги.

Он дал согласие, но, к огромному сожалению, его уход из жизни после тяжёлой и долгой болезни не дал осуществиться нашим планам. Светлая память прекрасному и талантливому моему земляку, Леониду Борисовичу Школьникову.

Так сложилось, что в Израиле самая большая община бывших жителей Биробиджана проживает в моём городе – Ноф-а-Галиль. Может быть, это из-за климата, он немного похож на дальневосточный – нет такой жары. Может, из-за семейных связей – люди выбирали место жительства там, где больше родни. Может, и по другим причинам, но факт – моих земляков у нас действительно много. Куда ни придёшь – в городское правление, в магазин, больничную кассу, банк, везде встретишь знакомых по прошлой жизни: друзей, сослуживцев, соседей, одноклассников, и начинаются бесконечные воспоминания. Мы знаем, у кого кто родился, кто умер, кто куда переехал – словом, все общинные новости, произошедшие как в Биробиджане, так и у нас в Израиле. Такое тесное общение, не только при случайных встречах, но и на свадьбах, юбилеях, даже совместных поездках за границу (я несколько раз был руководителем таких биробиджанских групп), к сожалению, и на похоронах, ещё больше сближает нас и, конечно, помогает осваиваться в новой стране.

В биробиджанской общине нашего города есть и свои лидеры. Это *Татьяна Мороз* – талантливая журналистка, главный редактор городской газеты «Ноф-а-Галиль». Она – одна из организаторов и авторов сценариев

и постоянная ведущая традиционных в нашем городе встреч бывших жителей Биробиджана. Это члены правления землячества «Россия», биробиджанцы и не биробиджанцы Семён Брусиловский, Фаина Бабинер, Влад Бениаминсон, светлой памяти Наум Дубов, Анна Гузенко, Светлана Гусева, Ольга Шмулик; активисты землячества Елена Арнаполина, Яков Соскин, Наум Стародубский. Это люди, чья бескорыстная общественная деятельность облегчает и скрашивает жизнь своих земляков, и не только их. Это *Татьяна Макарова*, многие годы руководившая в городском правлении Отделом абсорбции, а также *Татьяна Гродская*, и *Александр Вайсман* – работники этого отдела. Их многогранная творческая деятельность реально способствует интеграции новых репатриантов.

Нам, бывшим жителям дальневосточного «Израиля» (Еврейской автономной области), повезло с выбором своего места жительства – городом Ноф-а-Галиль. Прошли годы, у многих из нас уже здесь, в новой стране, родились дети, внуки, кто-то закончил школу или университет, успешно продвинулся по работе, но тёплая память о месте, где прожили немалую часть своей жизни, с которым и сегодня связаны наши заботы и переживания, так как там живут наши родные и близкие, всегда с нами. И мы рады, что мэр нашего города Ронен Плот, разделяя наши чувства, поддержал инициативу биробиджанцев и подписал договор о побратимстве между Биробиджаном и Ноф-а-Галиль. Побратимские отношения между нашими городами ещё больше укрепляют и развивают деловое сотрудничество властей города, что, естественно, облегчает контакты между их жителями.

Биробиджанцы видят и высоко оценивают работу мэра по развитию города, улучшению его внешнего вида,

созданию рабочих мест, строительству новых жилых кварталов и других объектов социальной инфраструктуры. Всё это, конечно, в итоге улучшает комфортность проживания для нас, его жителей. Не могу не высказать симпатии и нашему замечательному государству, хотя сами израильтяне ругают его так, как больше никто. А на самом деле, в нашем государстве, которое действительно окружено врагами, идёт нормальная жизнь, даже в условиях пандемии. И отратно, что в этом есть весомая заслуга и нас, выходцев из небольшого города – Биробиджана.

Если говорить об истории Еврейской автономной области, то её образование и существование – это одна из страниц общей истории евреев. Поэтому, на мой взгляд, вполне закономерно претендовать на особое отношение к ней со стороны именно еврейского государства – Израиля.

Из жизни израильских биробиджанцев (Фотогалерея)

Актив землячества «Россия» в г. Ноф-а-Галиль

Израильские биробиджанцы на отдыхе в Словакии

Встреча израильских биробиджанцев в Хоф-а-Галиль

На встрече израильских биробиджанцев

Биробиджанский скрипичный ансамбль в Ноф-а-Галиль

Гости из России в Ноф-а-Галиль. 2006 и 2013 гг.

Лев Борисович Шапиро и я в Хайфе. 2005 г.

Наша делегация в Биробиджане. Сентябрь 2017 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (3)

Рассказы (5)

В самоизоляции (6)

Вес на вес (10)

Всё в порядке... Идем ко дну (11)

По 90 пельменей (12)

Студенты (19)

Армейские будни (24)

Сосед (27)

Сантехник (30)

Мешок (32)

Уха из петуха (33)

Рыночно-базарная экономика (35)

Здравствуйте, я ваш дядя из Киева (39)

Переутомление (42)

Зайцы (44)

В поезде (46)

Свидание (48)

Шлимазл (49)

Дела командировочные (52)

Смешинки (55)

Очерки (57)

О Китае (58)

Фотоальбом «Поездка в Китай» (69)

О Японии (72)

Фотоальбом «Поездка в Японию» (77)

Биробиджан – Дальний и Ближний (81)

Немного о моей семье (84)

*Из жизни израильских биробиджанцев
(Фотогалерея) (104)*